

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

ВЫБОР КНИЖНОГО КЛУБА РИЗ УИЗЕРСПУН

ТИХОЕ МЕСТО

INSPIRIA

Меган Миранда

Тихое место

Серия «Ток. Захватывающие бестселлеры Меган Миранды»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69528601

Тихое место: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-190771-6

Аннотация

Для фанатов книг «И повсюду тлеют пожары» и «Острые предметы».

Раньше Холлоуз Эдж был прекрасным уединенным местом, где соседи вместе отмечали праздники и всегда приходили на помощь. Пока городок не потрясла трагедия – супружеская пара была найдена мертвой в собственном доме.

Полтора года спустя Руби Флетчер, обвиненную в их убийстве, признают невиновной, и она возвращается в городок.

Чего она хочет добиться: возмездия или спокойной жизни? Действительно ли она невиновна или система допустила ошибку?

С ее приездом напряжение среди соседей растет. Бывшая подруга Руби, Харпер, начинает получать пугающие записки. Становится понятно, что не все свидетели были честны в

показаниях. Она понимает, что ей самой придется выяснить правду, прежде чем кто-то еще погибнет.

Кто из ее соседей на самом деле опасен... или же опасны они все?

От автора бестселлеров Меган Миранды – автора психологических триллеров «Все пропавшие девушки» и «Идеальная незнакомка».

Содержание

Суббота, 29 июня	6
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	40
Воскресенье, 30 июня	46
Глава 4	47
Глава 5	61
Понедельник, 1 июля	70
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Меган Миранда

Тихое место

Megan Miranda

SUCH A QUIET PLACE

Copyright © 2021 by Megan Miranda

Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© Загот М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Суббота, 29 июня

СТРАНИЧКА ОБЩИНЫ ХОЛЛОУЗ ЭДЖ

Тема: ОНА ВЕРНУЛАСЬ!

Отправлено: 11:47

Кора Тейт: У дома стоит такси. Кто-то знал, что она возвращается?

Престон Сивер: Что? Это точно она?

Кора Тейт: Я смотрю в окно. Это она. Сто процентов.

Шарлотта Брок: УДАЛИТЕ ЭТО.

Глава 1

Приема в честь возвращения Руби Флетчер никто не устраивал.

Она явилась без предупреждения, застав нас врасплох.

Я не слышала, как хлопнула дверца машины, как повернулся ключ в замке, как распахнулась дверь. Слух уловил только шаги, знакомое шлепанье по дощатому полу. Я замерла у кухонного стола и крепче стиснула нож.

В голове промелькнула мысль: это явно не кошка.

Затаила дыхание, замерла, прислушалась. Какой-то шелест в коридоре, будто что-то тащат вдоль стены. Я отошла от стола, нож не выпустила, да еще и лезвием наружу его повернула...

И вот она, собственной персоной, у входа в мою кухню: Руби Флетчер.

Она воскликнула: «Сюрприз!» – и засмеялась, когда между нами сверкнул нож, который я от неожиданности выронила. Девушка пришла в восторг оттого, что я потеряла дар речи. Как будто непонятно, почему мы все начеку. Ведь каждый из нас боится, что кто-то проберется к нам в дом.

Кому знать, как не ей.

Мне хватило трех секунд, чтобы прийти в себя. Я прижала дрожащую руку к груди.

– Господи, – пробормотала я и наклонилась, чтобы под-

нять нож, пытаясь выиграть время. — Руби.

Она расплылась в улыбке.

— Харпер! — воскликнула она, подавшись вперед всем телом. Первое, что бросилось мне в глаза — туфли без каблуков в ее руках, будто она и правда хотела тайком пробраться в дом.

Второе, что я заметила: на ней та же одежда, в которой она была вчера на пресс-конференции. Черные брюки, белая блузка без рукавов с расстегнутой верхней пуговицей. Правда, сегодня на ней нет кофты. Русые волосы уложены так же, как вчера в телевизоре, только без начеса. С нашей последней встречи она подстригла их до плеч. Под глазами чуть расплылась косметика, на щеках румянец, уши порозовели от жары.

То есть за сутки она даже не переоделась.

В прихожей стояли ее вещи — вот что терлось о мою бежевую стену, — коричневый кожаный саквояж и почтовая сумка под пару. Глядя на официальный вид Руби, можно было подумать, что она собирается на работу.

— Где ты была? — спросила я, пока она клала туфли на пол. Ничего умнее не придумала. Видимо, привычка следить за тем, как Руби распоряжается временем, укоренилась очень глубоко.

Она откинула голову и засмеялась.

— Я тоже по тебе скучала, Харпер, — уйти от ответа вполне в ее стиле. Время близилось к полудню, а выглядела она

так, будто еще не ложилась спать. Может быть, была у адвоката? Или ездила к отцу? Еще куда-то наведальась, прежде чем ехать сюда? Или в первые сутки на свободе оторвалась на полную катушку.

Наконец она подошла, чтобы обнять меня, как же без этого. Все происходило с какой-то задержкой, будто в балете. Ее походка тоже изменилась, движется спокойно, взвешенно. И выражение лица другое – внимательное, настороженное. Будто освоила или постигла что-то новое.

Она явно отличалась от Руби, которую я знала, все пропорции чуть сместились: похудела, стала более собранной, голубые глаза увеличились, во взгляде больше нет тумана. Кажется, по сравнению с прошлым разом, когда мы были рядом, даже подросла. А может, что-то случилось с моей памятью, она смягчила острые углы, сделала Руби более компактной и хрупкой, не согласилась принять выдвинутые против нее обвинения?

Или со мной сыграли шутку экран телевизора и фотографии в газетах, сделали ее двухмерной, заставили забыть, какая Руби Флетчер на самом деле.

Она обвила меня руками и вмиг стала собой прежней.

Уткнулась острым подбородком куда-то мне в плечо, ближе к шее.

– Я же тебя не напугала?

Шеей я чувствовала ее дыхание, по коже пробежали мурашки. Отстранившись, я засмеялась, хотя в глазах собира-

лись слезы – то ли от радости, то ли от страха. Руби Флетчер! Здесь! Будто ничего не случилось. И не прошло столько времени.

Она склонила голову набок, а я вытерла влагу под глазами.
– Руби, если бы ты позвонила, я бы...

А что бы я сделала? Приготовила обед? Убралась в ее комнате? Сказала бы ей, чтобы не приезжала?

– В другой раз, – сказала она, усмехнувшись. – Но это... – она показала на мое лицо, – значит, сюрприз удался.

Будто это была игра, она все так и задумала, и по моей реакции поняла – ее фокус прошел успешно.

Она села за стол, и мысли мои заметались: что дальше? с чего начать разговор? Одну ногу она положила под другую, рукой обвила спинку стула, повернулась ко мне и, не скрывая, окинула меня медленным изучающим взглядом: босые ноги, педикюр цвета сливы, потертые джинсовые шорты, безразмерная майка поверх купальника. Задержалась на моих волосах – я их чуть осветлила, беспечной косой они свисали с плеча.

– Ты ни капельки не изменилась, – заметила она, широко улыбаясь.

Она явно льстила мне. Я перестала бегать по утрам, мышцы на ногах слегка обмякли, волосы отросли почти до пояса. Я изменилась, как и она, только наоборот. Весь прошлый год я пыталась разобраться во всем, что вроде бы и так знала – в людях, в себе. Разложила на отрезки всю траекторию своей

жизни вплоть до сегодняшнего дня, поняла, что принимала решения, почти не обдумывая их. Отсюда и неуверенность в себе, которая заметно сказалась на моем внешнем облике.

Я поежилась под ее взглядом: что она хочет увидеть? о чем думает? Стало как-то неуютно от мысли, что тут никого нет, кроме нас.

– Есть хочешь? – Я указала на еду на столе: сыр, крекеры, клубника в вазочке, арбуз, который я как раз резала. Надеюсь, рука не дрожит.

Она потянулась, закинула тонкие руки за голову, сплела пальцы, которые издали неприятный хруст.

– Нет. Я не нарушила твои планы? – спросила она, глядя на закуску.

Я переступила с ноги на ногу.

– Я тебя вчера видела, – сказала я, потому что научилась у Руби: отвечать на прямой вопрос не обязательно. – Смотрела пресс-конференцию.

Мы все ее смотрели. Знали, что так и будет, что ее освободят, и кипели от негодования. Как же так, был суд, показания, улики – и теперь все сначала?

Да, мы ожидали, что так может произойти. Ловили новости, посылали друг другу ссылки, делились тем, что слышали, на нашей доске объявлений. Хавьер Кора все подробно расписал, но свое мнение оставил при себе, и тут же посыпались комментарии.

Третий канал. Включайте.

Смотрим...

О господи.

Это у нас закон такой?

Мы уже поняли, что много разглагольствовать на доске объявлений не стоит, но пресс-конференцию видели все. На Руби Флетчер та же одежда, в какой ее забрали, она стоит перед кучей микрофонов, а внизу вдоль экрана крупная надпись: НЕВИНОВНА. Просто, но ярко – только верно ли? Выходит, что слушание дела – к чертям, расследование – туда же, решение присяжных – на ветер. Так виновата Руби или нет? Попробуй разберись.

– Вчера, – пробормотала она с радостным придыханием, глядя в потолок, – было круто.

На экране она выглядела сдержанной, нестигаемой. Усеченная версия Руби, которую я знала. Но когда она заговорила, я, сидя на диване, подалась вперед. Она притягивала к себе внимание даже издалека.

Журналистка спросила ее: «Что вы сейчас чувствуете, Руби?» Руби очень симпатично прищурилась, скрывая улыбку, что всегда здорово у нее получалось. Она посмотрела прямо в камеру, прямо на меня, и, сделав паузу, ответила: «Надеюсь наладить жизнь. Чтобы все это осталось позади».

Однако через сутки она уже была здесь, на месте преступления, из-за которого попала за решетку, чтобы взглянуть фактам в лицо.

Первым делом Руби попросила пива. Еще не было двенадцати, но такие мелочи, как социальные нормы или мнение общества, Руби не интересовали никогда. Она и не пыталась оправдаться, в отличие от любого из наших соседей, – все-таки сейчас лето, по одной баночке пропустить можно, – им важно получить одобрение общества или привлечь к мелкому разгулу кого-то еще.

Она стояла перед холодильником, вдыхая холодный воздух изнутри.

– Ох, как же здорово!

Она явно соскучилась по пиву. Закрыв глаза, Руби присосалась к бутылке, а я наблюдала, как подрагивает ее горло при каждом глотке. Потом ее взгляд наткнулся на кухонный нож, на арбузные кубики. Она подхватила кубик и забросила в рот, жевала нарочито медленно, с явным наслаждением. По комнате расплылся сладкий аромат, она облизнула губы, и мне тоже захотелось, чтобы во рту было сладко.

Наверное, такие моменты могут длиться бесконечно: каждая вещь, каждое воспоминание, когда-то привычное, воспринимается как что-то новое. Круто.

Около раковины звякнул мой телефон. Никто из нас не отреагировал.

– Как думаешь, скоро все узнают? – Она облокотилась на стойку, уголок рта нервно дернулся. Догадалась, что это кто-то прислал сообщение.

Скоро. Здесь долго не бывает. Как только ее кто-то уви-

дит, об этом узнают все, если уже не узнали. Если покупаешь дом в Холлоуз Эдж, автоматически становишься членом местной Ассоциации жильцов. Это официальная и самостоятельная группа, которая выбирает правление, решает вопросы бюджета, собирает взносы, разрабатывает правила и следит за тем, чтобы они исполнялись.

Ты сразу получаешь доступ к местной доске объявлений, неофициальной, в свое время ее создали из лучших побуждений. Но после смерти Брэндона и Феоны Труэтт эта доска стала совсем другим зверем.

– Ты хочешь, чтобы они узнали? – спросила я. – Что ты вообще здесь делаешь? И сколько намерена здесь пробыть?

– Рано или поздно они все равно меня заметят. – Она закинула ногу на ногу. – Никто никуда не делся?

Я кашлянула.

– Более или менее все на месте.

Арендаторы при первой возможности смылись, а все остальные сейчас свой дом продать не могут – разве что с большими потерями. Дом Труэттов, рядом с моим, так и стоит пустой. Руби Флетчер, жившую когда-то в Холлоуз Эдж, обвинили в их убийстве. Да, обоих сразу. Если бы жертвой пал кто-то один из них, возможно, мы бы это как-то пережили, но двое...

Тейт и Хавьер Кора, мои соседи слева, собрались было переезжать, но их дом стоял через один от места преступления, и риелтор посоветовал им не торопиться. Но кое-кто поти-

хоньку испарился. Исчез чей-то жених. Перестал появляться муж, которого здесь и так редко видели.

Дело раскрыли, но раскрылись и некоторые не относящиеся к делу подробности.

Не вдаваясь в детали, я сказала:

– У Уэллменов пополнение. Малыш.

Руби улыбнулась.

– Наверное, уже не такой и малыш.

Я поджала губы, изображая улыбку. Что еще сказать, каким тоном?

– Тейт беременна.

Руби застыла, не донеся бутылку с пивом до рта, подняла бровь.

– Подозреваю, она сейчас вся на взводе.

Так и есть, но говорить об этом Руби я не буду. Я всегда пыталась сгладить острые углы, как-то снять напряжение. В своей семье я давно играю роль миротворца. Так что эту тему лучше оставить, есть другие, нейтральнее, к ним и обратимся.

– Старшая дочка Шарлотты окончила школу, так что к осени еще одним жителем тут будет меньше.

Я просто заполняла паузы, слова вылетали из меня, почти спотыкаясь друг о друга.

– Может, вместо нее выгоним кого-то другого? – спросила она, и я засмеялась. Наверное, у нее готов целый список. Кто там на первом месте? Полагаю, Чейз Колби.

Словно и не прошло столько времени. Руби всегда была такой: обаятельной, непредсказуемой. Завораживающей, как сказал прокурор. Все мы – жертвы, нас нельзя винить в том, что мы выступили единым фронтом.

Я часто это повторяла, пытаюсь оправдать себя.

Вскоре я поняла, зачем она выпрашивает, кто не уехал и уезжать не собирается. Руби решила остаться здесь.

По правде говоря, я не задумывалась над тем, куда она отправится после освобождения. Мне и в голову не приходило, что она захочет вернуться сюда – после всего, что здесь произошло. Последний раз мы разговаривали в суде, я давала показания, да и это разговором не назовешь – когда я проходила мимо, она одними губами сказала мне «спасибо».

Я сделала вид, что не заметила.

Я могла бы предположить, что она поедет к отцу во Флориду. Или забьется в какой-нибудь гостиничный номер, который оплатят юристы, что ее вызволили, будет выяснять подробности дела со своим адвокатом. Или просто исчезнет с концами – вот он, шанс начать жизнь с чистого листа, объявиться где-нибудь у черта на рогах совершенно новым человеком. Человеком без прошлого.

Я взглянула на часы над холодильником – стрелки переползли за полдень – и нервно постучала пальцами по крышке стола.

– Ждешь кого-то? – спросила она, снова оглядев стол с

угощением.

Я покачала головой.

– Хотела отнести это к бассейну.

– Отличная мысль. Бассейна мне точно не хватало.

Внутри у меня все оборвалось. Конечно, ей многого не хватало: холодного воздуха из холодильника, бассейна, меня. Так и будет все перечислять, поигрывая ножом?

– Я сейчас, – сказала она и пошла в туалет у основания лестницы.

Едва она вышла из комнаты, я вымыла нож – это уж слишком, лежит себе молча на столе, словно издевается над нами. Я подхватила телефон, проглядела набежавшие сообщения.

От Тейт: *Почему не сказала, что она возвращается?*

От Шарлотты: *Позвони.*

Они уже знают.

Но отвечать им я не стала, а быстро настрочила Маку дрожащими от адреналина пальцами: *Не приходи.*

Интересно, она надолго? Вещи Руби стояли возле входа в кухню. Может, напрямую не спрашивать, сама догадаюсь? Из туалета доносились звуки бегущей воды, но в доме было до жути тихо. Где-то наверху с дивана спрыгнула кошка, Когда, в деревьях за домом глухо стрекотали цикады.

Я медленно расстегнула ее сумку, что побольше, заглянула внутрь. Пусто.

– Харпер?

Я быстро отдернула руку, зацепив пальцем молнию. Голос

Руби долетел с верхней площадки лестницы, но с места, где я стояла, была видна только ее тень. Вряд ли под таким углом она что-то видела?

Я отошла от ее сумок, и она тут же появилась, медленно спускаясь по лестнице, скользя рукой по перилам.

– Хочешь мне что-то сказать?

Про ее голос говорили в ходе расследования: кто-то называл его завораживающим, кто-то – коварным или даже злобным. Но сейчас все эти интонации слились вместе, голос словно вибрацией отражался от лезвия бритвы. Он так или иначе заставлял тебя насторожиться и настроиться на волну Руби.

– О чем? – спросила я, слыша биение своего сердца. Мне было что ей сказать:

Все до сих пор считают тебя виновной.

Не знаю, зачем тебя сюда принесло.

Я спала с твоим бывшим.

– Мои вещи, Харпер. Где мои вещи?

– А-а... – Я еще не успела ей рассказать. Да и не думала, что этот вопрос возникнет. Что она будет ждать чего-то другого. – Я говорила с твоим отцом. После всего.

Она замерла у нижней ступеньки, вопросительно подняла бровь:

– И?

Я кашлянула.

– Он велел мне отдать твои вещи на благотворительность.

Не то что я ей не сочувствовала, но двадцать лет – это очень долго. Она ведет себя так, будто ее не было неделю, а на самом деле – четырнадцать месяцев!

Руби на миг закрыла глаза, медленно вздохнула. Это она в тюрьме так научилась? Раньше Руби Флетчер встречала разочарование по-другому.

– Мак за чем-нибудь заглядывал?

Не поймешь, что у нее на уме! То одно, то другое, какая тут вообще связь?

– Давай отвезу тебя в магазин. Купим все, что тебе нужно, – предложила я. Конечно, куплю ей новую одежду, туалетные принадлежности. Могу поселить в гостиницу, дать денег, пожелать всего наилучшего. И больше никогда ее не видеть.

Но она только щелкнула пальцами.

– Это потом.

Она наклонилась, подхватила свою пустую сумку и снова пошла вверх.

В сознании пронеслась странная мысль: она совершает преступление против моей собственности прямо у меня на глазах. Собирается меня ограбить, и я же соучастница. Если связался с Руби Флетчер, стать соучастницей нетрудно.

Под одной крышей мы жили не всегда. Прямо ничего не обсуждали, но подразумевалось, как я считала, что это временно и ненадолго. После того как Айдан съехал, а отец Ру-

би вышел на пенсию и продал дом, вдруг возникла такая потребность – нам обоим надо было передохнуть, оглядеться, понять, на каком мы свете. И прикинуть планы на будущее.

Но она так никуда и не уехала, и я не стала ее об этом просить. Казалось, мы обе хотим, чтобы она осталась. Мы заключили удобный союз. По крайней мере, всегда было кому покормить кошку.

Когда ее забрали, к одиночеству я привыкла быстро. Впервые после университета могла насладиться независимостью, полным уединением. Пониманием того, что я здесь полноправная хозяйка.

Она спустилась в моей одежде, из-под черного платья на бретельках торчал хвостик бордового купальника. Как тут возразишь, ведь все ее вещи я отдала. Она была выше, а теперь и тоньше меня, но размер одежды более или менее совпадал.

За Руби, путаясь у нее под ногами, спускалась Кода – быстро она меня предала! Поначалу она была кошкой Айда-на, жила своей жизнью и к людям относилась наплевательски – за исключением Руби.

Руби собрала волосы в хвостик, на ее руке была одна из моих резинок.

– Лишних очков от солнца нет? – спросила она.

Я вытаращила глаза. Будто следишь за аварией на дороге в замедленной съемке.

– Что ты надумала? – спросила я.

Вместо ответа она открыла ящичек стола у входной двери – там всегда лежат ключи, там же Руби держала и ключ Труэттов, когда выгуливала их собаку. На секунду я решила, что она ищет именно его, но она подхватила электронную бляшку от черной калитки – вход к бассейну.

– Идем к бассейну?

– Руби... – надо ее предостеречь.

Она сжала губы и ждала, что я скажу дальше.

– Не уверена, что сейчас это уместно, – сказала я. Пусть знает. Хотя она и так знает.

Она чуть отвернулась, но я все-таки увидела, как на ее губах промелькнула улыбка.

– Срываю пластырь, – пояснила она, открывая входную дверь. Ну, это не совсем точно. Не тот образ, смягчилась она, что ли, в тюрьме? Я бы сказала иначе: она заигрывает с преисподней. Или льет на открытую рану уксус.

Руби вышла босиком, оставив дверь приоткрытой. Предложение составить ей компанию. Но я не пойду. Не среди белого дня. Не на нашей улице. Не в нашем заповеднике.

Она здесь, в моем доме, это уже плохо.

Однако я все-таки вышла на крылечко, чтобы посмотреть ей вслед. Она прошла мимо дома Труэттов, даже не глянув на крыльцо и темные окна. Без всяких колебаний, уверенной походкой она прошла мимо дома, в который якобы проникла однажды ночью, выпустила собаку, завела в гараже двигатель старенькой «Хонды», дверь из гаража в дом оставила

полуоткрытой – Брэндон и Фиона Труэтт беззвучно умерли ночью от отравления угарным газом.

Мой дом стоит прямо в центре нашего поселка. Шесть домов расположены полумесяцем. Каждый из них выходит на широкую подъездную дорожку из бетона, за ней, посредине, – зеленый холмик, засаженный деревьями, которые летом загромождают вид на озеро.

Бассейн прилегает к главной улице поселка, за ним уже лес, озеро, и, если найти выгодную точку для обзора и пофантазировать, может показаться, что бассейн и озеро – одно целое.

Очевидно, что пока Руби проходит мимо домов, ее засекают все камеры безопасности. Они наблюдают за девушкой. Регистрируют ее в каждый отрезок времени, чтобы потом все свести воедино и отследить каждый ее шаг. Вот дом Брокков, именно их камера уловила шум той ночью. Камера над звонком углового дома, где живут братья Сиверы, поймала идущую мимо фигуру в капюшоне – кстати, с Руби Флетчер эта камера была хорошо знакома.

Руби исчезла из моего поля зрения, значит, идет мимо дома Уэллменов – их камера записала, как Флетчер бежит к лесу, в сторону озера.

Я стояла, вслушиваясь в тишину, как вдруг сбоку что-то мелькнуло.

У входа в соседский гараж, поддерживая руками живот, стоит Тейт. Между нашими домами всего несколько ярдов,

еще чуть-чуть и это был бы двойной блок с общими стенами. Можно сказать, что мы живем под боком друг у друга. И сейчас она смотрела на меня в профиль.

– Я не знала, что она приедет, – сказала я.

– Сколько она здесь пробудет? – спросила Тейт.

Я вспомнила о пустой сумке у меня в доме.

– Пока неясно.

По официальной версии, Тейт и Хавьер Кора той ночью ничего не видели и не слышали, они вернулись от друзей за полночь, их камера ничего не показала. Неофициально... они не особо удивились. Поэтому сейчас Тейт сжимает зубы, то ли от ярости, то ли от страха.

Тейт ростом примерно пять футов, можно сказать, мелкая. О том, что на самом деле никакая она не Тейт, я узнала только во время следствия. Так ее стали называть в колледже, в честь известного игрока в лакросс. В то время она играла в местной команде, где и познакомилась с Хавьером. Он тоже стал называть ее Тейт. Густые светлые волосы она и теперь завязывала в высокий хвост, на лбу – спортивная повязка, хоть сейчас выходи на поле. Я никогда не видела ее в игре, но вполне могу себе представить. Маленькая, да удаленькая – это как раз про нее.

В нашем поселке Тейт и Хавьер – самая общительная пара. На выходных устраивают барбекю, всегда в первых рядах, когда у нас совместные сборища.

– Сделай что-нибудь, – заявила она, округлив глаза. Во

время беременности Тейт стала менее общительной и более требовательной. Впрочем, за последние полтора года мы все почерствели. Стали более скептическими, осмотрительными, закрытыми.

Я неопределенно кивнула. Мы обе посмотрели в сторону дороги, куда ушла Руби.

– Чейз в штаны надевает, когда ее увидит, – небрежно бросила Тейт и ушла в дом.

Тейт любит перегнуть палку, но сейчас – не тот случай. Если Чейз ее увидит... Если его заранее не предупредят...

Я схватила купальник и поспешила вслед за Руби.

Глава 2

Если честно, никто из местных Брэндона и Фиону Труэтт не любил.

Внешне все было пристойно. Мы улыбались друг другу, здоровались при встрече. Но желанием общаться с ними никто не горел.

Брэндон был главой приемной комиссии в колледже Лейк Холлоу, где многие из нас работали. Он свято верил, что работу и жизнь за ее пределами смешивать нельзя. Был холоден и осуждал всех, кто не соблюдал его личный кодекс поведения. В общем, козел был еще тот. Фиона была ему под стать: холодная, осуждающая и, само собой, та еще коза.

Потом мы стали относиться к ним лучше. Из сострадания. С тех пор как их нашли мертвыми, дом стоял пустым. Сейчас он принадлежит банку, но желающих его купить нет. Так он и стоит немым укором – пустой и пугающий.

Через несколько месяцев двор чрезмерно зарос травой. Нам пришлось составить график, чтобы сохранять приличный вид, – именно так мы поступили, когда Шарлотта Брок попала в аварию и ей сделали операцию на колено. Это не был альтруизм, мы, конечно, люди хорошие, но не настолько. Нас беспокоил собственный статус: если эта недвижимость полетит в тартарары, она и нас за собой потащит. Как ни крути, мы все здесь повязаны.

Поселок Холлоуз Эдж занимал узкое пространство возле озера Холлоу, пятьдесят тесно стоявших домов окружали озеро, полумесяцем примыкая к двум главным дорогам. Строительство закончили пять лет назад, и во многих домах жили первые владельцы. Все дома были построены однотипно и стоили весьма умеренно. Промышленности вокруг нет, значит, каждый день ездить на работу особо некуда. Почти все в окрестностях озера Холлоу работают в колледже, в частной школе или в системе государственного образования.

Все мы – люди с высшим образованием, хотя оплату нашего труда высокой не назовешь. Но плюсов много: прекрасный вид, удобство жизни в пригороде, обаяние собственного кусочка природы: ночью можно услышать, как она оживает, особенно у воды. И в твоём распоряжении лето. На административных должностях ты занят круглый год, но остальные наслаждаются свободой с середины июня по середину августа. Два с лишним месяца никакого обязательного посещения, никакого жесткого графика. Технически я работаю в колледже круглый год, но летом предоставлена сама себе, на работу надо ходить скорее по желанию.

На другой стороне озера, ближе к колледжу, есть зоны покруче нашей: там и дома побольше, и общины лучше развиты, есть доступ к озеру и причалам для яхт. Формально прямого доступа к озеру у нас нет, но через лес от дома Уэллменов ведет дорожка, немного под уклон, по ней можно тащить каяки или каноэ. Вдоль этой неровной тропинки лежат

доски, чтобы не повредить лодку о торчащие из-под земли корни.

Детей младшего возраста почти нет, община формировалась, исходя из предлагаемых возможностей. Игровой площадки нет. Охранника у бассейна тоже. Поблизости озеро. Опасности хоть и неявные, но родителям понятные. В основном мы – молодые специалисты, энергичные карьеристы.

Айдан и я вписывались в эту картину наилучшим образом. Едва мы распаковали вещи прямиком из Бостонского университета, где мы и познакомились, местный круг нас безоговорочно принял. Нас привлекла перспектива построить здесь новую жизнь. Мы оба выросли у воды. Я провела детство в миле от мыса, выучилась там и рыбачить, и ходить под парусом, и часами глядеть на волны. Он – на берегу Флоридского пролива, неудивительно, что полюбил и биологию, и водный туризм. В этом месте мы видели для себя нечто общее, хорошо нам знакомое, казалось, оно тоже приняло нас за своих.

Прошло пять лет. Я шла к бассейну вслед за Руби и думала: на нашей улице я знаю всех.

Я решила было зайти в угловой дом к Маку, проверить, получил ли он мое сообщение, но занавески в нем были плотно задернуты. На дороге, со всех сторон стояла полная, даже неестественная тишина, только цикады начинали перекликаться в деревьях. Обычно моих соседей я хорошо слышу.

Наши участки за домом впечатаны один в другой, высокие белые заборы дают иллюзию уединения. Мы не видим друг друга, но слышим все, хотя не подаем виду. Каждый из нас – карикатура по ту сторону забора, низведенная до своих самых характерных черт. Иногда сквозь тонкие доски мелькают цвета, за забором кто-то движется, хотя тебе казалось, что рядом никого нет.

В обычный выходной в это время все уже на ногах, либо занимаются чем-то по дому, либо сидят на участке и читают. Кто-то садится на велосипед и вдоль озера едет в город, либо просто прогуливается, пока не началось пекло.

Но в эту субботу на улице непривычно тихо. Полудрема, как про нас однажды написали в газете, эдакое сообщество ленивцев, забывших об опасности.

По правде говоря, летом здесь всегда опасно. Природа буйствует. Все вокруг спит. Привычного распорядка нет, у тебя неожиданно куча свободного времени. Можно заняться тем, на что этого самого времени нет в течение года. На чем-то сосредоточиться. Попробовать что-то изменить.

А крайности всегда опасны. Летом некуда спрятаться – ни от соседей, ни от себя.

С виду Холлоуз Эдж и сейчас кажется тихим и уютным местечком, но это неправда. Может, когда-то так и было, но сейчас все иначе. Одно могу сказать наверняка: полудремы больше нет.

Слава богу, у бассейна почти никого. Руби устроилась в удобном синем лежаке, подтащив его прямо к ступенькам бассейна. Но она забрала мой ключ, и придется ее окликнуть, иначе мне внутрь не попасть.

Чейза нет, и на том спасибо. И Мака тоже.

Есть мужчина в дальнем углу, темная шляпа надвинута на солнечные очки, лежаك развернул прямо к солнцу, руки загорелые, а торс бледный. Это Престон Сивер. Младший брат Мака. То, что он здесь, неудивительно: в выходные он часто выходит к бассейну, возможно, подравнивать свой загар. Престон работает в службе безопасности колледжа, всегда все про всех знает – на работе и за ее пределами – и всегда готов этими знаниями поделиться.

Именно Престон Сивер сказал полиции, что однажды, когда Руби и Мак выясняли отношения, кто-то залез к ним в дом и разбил там посуду. Задал тон. Теперь этот Престон меня сторонится, думает, мне нельзя доверять.

Только недоверие у нас взаимное, еще неизвестно, у кого оно сильнее. Ведь он тогда сразу ополчился на Руби! Я брата предупреждал, сказал он полиции. Мол, он всегда подозревал, что в Руби сидит опасность, которая обязательно вырвется наружу.

Иногда, когда он смотрит на меня, я думаю, что тоже кажусь ему подозрительной. И брата насчет меня тоже стоит предупредить.

Сейчас Престон лежит неподвижно, но кто знает, заметил

он Руби или просто спит. Они и прежде никогда не ладили. Престон считал Руби зазнайкой и выскочкой, а она считала его пустым местом, неудачным ответвлением Мака. Они и раньше обходили друг друга стороной, не соприкасались. Это особый навык, но он работает только по обоюдному соглашению. Они заключили своего рода пакт.

А вот Марго Уэллмен Руби заметила. В бассейне был ее малыш, и она то и дело бросала на Руби мимолетные взгляды, но свои планы менять не собиралась. Неторопливыми кругами она возила ребенка – уже подростка – на желтом надувном матрасике.

Я стояла у закрытой калитки, звать Руби не хотелось – объявлять, что мы вместе, нарушать равновесие, – но она подошла к краю бассейна и наклонилась.

– Твой малыш? – спросила она Марго.

Марго не придвинулась, но и отстраняться не стала. Сохранила безопасное расстояние, однако матрасик подтянула поближе.

– Да, это Николас.

У Николаса были такие же рыжие кудряшки, как у мамы, редкие и тоненькие, но точно мамины. Марго завязала волосы пучком на макушке, чтобы их не мочить, но завитки выбились и от влаги прилипли к шее.

– Привет, Николас, – Руби помахала малышу рукой. Она улыбнулась, когда с детским восторгом он замахал пухлыми ручонками в ответ. – Поздравляю, Марго. Не ребенок, а пре-

лесть.

– Спасибо, – ответила Марго.

По поводу отсутствия Руби – ни слова. Никаких извинений, сожалений или поздравлений. Вот и пообщались – изысканно, до боли вежливо. Ни слова о том, что именно широкоугольная камера Марго, глядящая на озеро и ведущую в лес тропинку, поймала Руби, бегущую ночью сквозь деревья. Все решили, что она хотела избавиться от какой-то улики и выбросить ее в водоем или спрятать где-то в лесу, но потом ничего похожего не нашли.

Руби поднялась, заметила меня у калитки, улыбнулась и выпустила на территорию бассейна.

– Вот кто к нам все-таки пришел.

– Привет! – Я протянула ей свою сумку для бассейна. – Я захватила полотенце и крем от загара. Ну и перекусить.

Будто я потому и пришла, что она по рассеянности не подумала о погоде. Или просто забыла, как нещадно летом палит виргинское солнце.

– Я знаю, что ты всегда выручишь, – сказала она.

Марго глянула на меня, когда я проходила мимо. Неплохо бы ей объяснить. Просто сказать: я здесь, если что-то вдруг пойдет не так, чтобы присмотреть за Руби. Снять напряжение, если оно возникнет.

Свободной рукой Марго подцепила синюю ляпочку своего купальника и подтянула на плечо, потом другую, а сама поглядывала на нас. Казалось, после рождения ребенка тело

ее с каждым месяцем меняется, и она все время то поддерживает лялочку, то подтягивает ремень, то приводит в порядок вырез платья.

Когда я села на лежак рядом с Руби, Марго переключилась на ребенка и что-то замурлыкала. Я передала Руби крем, фрукты и посмотрела на калитку. Так легко вернуться к старым привычкам: фиолетовая кружка-термос – это ее, голубая – моя. Лежак ближе к зонтику для меня, там больше тени, у меня больше шансов сгореть, чем у нее, хотя я всегда вспоминаю об этом, когда уже поздно.

Так просто сделать вид, что все как обычно. Мы все здесь – великие притворщики.

Я перевела взгляд на Престона: он приспособил сотовый на животе и поглядывал вниз, будто что-то читал на экране. Но под каким-то странным углом стоит мобильник. Уж не фотографирует ли он нас? Или записывает? За ним такое водится – фотографировать людей у бассейна.

Он чуть повернул телефон, свел губы вместе, словно сдерживая улыбку. По моей шее пробежали мурашки, я выпрямилась и посмотрела прямо на него. Но он и бровью не повел... Может, я рехнулась? И он просто смотрит видео – из ушей торчат наушники – или что-то читает. Или шлет сообщение брату: *угадай, кто сейчас сидит у бассейна...*

Он ухмыльнулся, положил телефон рядом с собой экраном вниз, откинулся на лежаке чуть глубже.

И полная тишина. Марго возит ребенка по бассейну. Пре-

стон застыл, разве что пальцы выстукивают ритм по боковине лежака.

Ну, скажите хоть что-нибудь. Что там у вас на уме. Все-таки не чужие люди. Знаем Руби с тех времен, когда она только вступала во взрослую жизнь. А прошлой осенью все мы давали показания на слушании по ее делу.

Мы познакомились с Руби, когда мне было двадцать пять. Тогда я работала в приемной комиссии, а она, двадцатидеволетняя студентка, приехала на лето погостить к отцу. Мы с Айданом как раз обустроивались на новом месте, а она, еще девчонка, сидела с подружками у бассейна.

Люди жаловались, не напрямую, но были явно недовольны. Писали на доске объявлений: *Как себя должны вести гости у бассейна? Есть у нас правила или нет? Сколько эти зеленые студенты должны выпить, чтобы кто-то решился их одернуть?*

Она уже тогда флиртовала с Маком, который был старше меня и не обращал на нее внимания, разве что кивал в знак приветствия, когда проходил мимо с банкой пива в руке.

Я всегда питала к Руби слабость. Она напоминала мне лучшее, что было в моем брате. Умеет пошутить, порадоваться жизни, выкинуть какой-нибудь бесшабашный номер – все это и сейчас есть у моего брата, если откинуть все плохое.

Получив диплом бакалавра, Руби пошла учиться на магистра, стала подрабатывать в нашем отделе, водила абитури-

ентов по колледжу, открылась мне с другой стороны. Мы часто вместе обедали. Она рассказывала о планах на будущее.

Едва получив диплом магистра, она начала преподавать английский на подготовительных курсах, чтобы сэкономить на жилье, осталась жить у отца. Айдан в тот год как раз защитил диссертацию.

Тогда же он меня бросил, нанес внезапный удар исподтишка. Такой быстрый и неожиданный, что поначалу ярость заглушила сердечную боль... Я и сейчас точно не знаю, что именно принесло мне больше страданий: сам разрыв или то, как это произошло.

Он собрался «искать новые возможности, и хватит делать вид, что все у нас хорошо». А я считала, что все возможности есть здесь. Я пыталась понять, что на него нашло, спорила с ним, а он развел руки в стороны и сказал: «Господи, Харпер, мне здесь все надоело».

Будто щелкнул какой-то выключатель, и он увидел свою жизнь другими глазами: четыре стены, дороги вокруг нашего поселка, я – и никуда от этого не деться.

Получалось так, что от меня надо спасаться бегством.

Тайну из нашего разрыва делать не стали – летом без жертв не обходится. Что оставалось делать? Просто следить за ходом событий. Приехал грузовик, половину мебели Айдан увез с собой. Я в приступе безумия потребовала оставить кота. Для местных мужчин – Хавьер Кора, Мак и Престон Сиверы, Чейз Колби – Айдан устроил прощальную вечерин-

ку. Все они сделали вид, что все нормально. Никто не сказал, как я платила за его обучение, а он, едва выпустившись, тут же меня и бросил.

Мой отец и тот не проявил сочувствия, когда я ему рассказала. Айдана он всегда недолго любил. Узнав, что мы собираемся жить вместе, стал перечислять мне его недостатки, да так, что едва хватало пальцев двух рук. Дескать, мне свойственно видеть в людях только их потенциал. А что, собственно, в этом плохого?

Теоретически, дом мы купили вместе. Но ипотеку открыли только на меня, ведь у Айдана была жуткая кредитная история и безрадостное соотношение между долгами и доходами (об этом, в частности, предупреждал отец).

А потом отец Руби продал дом и уехал. Она спросила, не возьму ли я компаньонку. Я еще не отошла от предательства Айдана, по вечерам не могла справиться с давящей тишиной. В доме поселилась пустота, на душе было тошно.

Я отдала ей кабинет Айдана на втором этаже, напротив хозяйской спальни. Она побросала вещи в машину, проехала два квартала до моего дома, я со смехом сгребла с заднего сиденья ее одежду. Мне было двадцать восемь, ей двадцать три – точно и не скажешь, кто кому сделал одолжение.

Сейчас мне тридцать, ей двадцать пять, разница между нами не так заметна.

Наконец Марго разыграла сценку: уход из бассейна. Обращаясь в пространство, она объявила, что пора и прикорнуть,

будто ей требовался повод, чтобы уйти вежливо. Сложила в коляску все свое хозяйство – с краев свешивался желтый матрасик – и посадила малыша к себе на бедро.

Потом поднялся Престон, чуть прикрыв полотенцем линию загара на предплечье, неопределенно кивнул в нашу сторону и пошел к калитке. Я чуть подняла подбородок в ответ – привычка. Руби, занятая своими делами, даже не повернула головы.

Я проверила мобильник – все тихо. Мак не ответил. Если честно, я бы на его месте поступила так же – вдруг она заметит? Держалась бы от нее подальше. Вообще не связывалась бы, надеясь, что это временно и завтра жизнь вернется в норму.

Больше желающих полежать у бассейна не было, хотя жара набирала силу, становилась удушающей.

– Везет нам, – заметила Руби, протягивая руку к фруктам, – весь бассейн в нашем распоряжении.

Мы лежали молча. Солнце, напитки. Но я не отводила глаз от входа.

Руби нырнула в воду и стала плавать на спине, а меня затащило прошлое. Какие-то воспоминания о том, что нас связывало, будто паузу в наших отношениях можно вычеркнуть. Запахло кремом и хлоркой, следы босых ног Руби отпечатались на бетоне, она аккуратно выжимала волосы.

Стопой она подцепила ножку кресла, отодвинула от напозавшей тени, и на меня вдруг накатила ностальгия. На гу-

бах возник вкус сладкой сангрии, которую любила готовить Руби. Она закидывала в варево все фрукты, какие были в моем холодильнике, приторный напиток согревал горло. Кожа в те бесконечные дни напитывалась летним солнцем, потом дома под душем я потихоньку смывала с себя его жалящие укусы.

Наконец появились соседи, посмотреть на Руби самолично: кто-то выводил собаку, кто-то просто гулял, кто-то болтал по телефону. Друг за другом, будто сговорились. Все замедляли шаг, бросали короткий взгляд и шли дальше.

После ее ареста все они сказали: насчет Руби Флетчер «мы всегда что-то чувствовали». Мол, за ней и раньше водились темные делишки. Говорили: «на пикнике у меня из кошелька пропали деньги», «а у меня из гостиной, когда встречали Новый год», «из сумки у бассейна – это Руби. Я точно знаю». Психоз набирал силу, люди пытались понять, как же они прозевали опасность, что так давно свила гнездо в нашей общине.

Наконец я увидела Чейза. Без формы, но шел так, словно был при исполнении. Уверенный, властный, дородный, плечи развернуты. Остановился и смотрит через улицу, будто не может поверить своим глазам. Темный ежик, ноги широко расставлены, руки крепко уперлись в бока. Чейз стоял так довольно долго. Если Руби его и заметила, виду не подала.

Мы считали, что Чейз – это «свой» полицейский. Знали, что он всегда расскажет, почему воют сирены, как идет рас-

следование об угоне авто. Его постоянно приглашали на собрания общины, выуживали у него разные новости за баночкой пива у бассейна. С ним мы чувствовали себя в безопасности. Но после истории с Брэндоном и Фионой Труэтт он заметно изменился.

Вот и местная доска объявлений поначалу была просто источником информации: *У кого есть номер хорошего сантехника? Что за шум был ночью? Слышали, что по соседству объявился какой-то бродяга?*

В последние пять лет Холлоуз Эдж как группа здорово окреп. Мы поймали воров, которые крали посылки. Засекли мужа Шарлотты с другой женщиной, когда Шарлотты не было. Если видели койота, предупреждали соседей, чтобы они запирали своих маленьких любимцев. Совместно мы раскрывали тайны и решали проблемы. Сводили информацию воедино, выкладывали на доску видео с наших камер безопасности. Делали выводы о результатах.

Но и община претерпела заметные изменения. Когда стало ясно, что смерть Брэндона и Фионы Труэтт выглядит подозрительно, мы – под началом Чейза – уверовали в то, что раскрыли дело и нашли убийцу. Разложили по полочкам, куда и когда ходила Руби, передали полиции наши улики и комментарии на доске объявлений, превратили их в официальные показания.

Теперь мы стали осторожнее. И сами по себе, и в том, что писали на доске объявлений. Сообщения удалялись, ед-

ва был получен ответ, а то и раньше.

Руби посмотрела на калитку, где стоял Чейз, и шутливо помахала ему фиолетовой кружкой-термосом. Конечно, она сразу его увидела.

Наконец он повернулся к дороге и скрылся из виду. Я перевела дух.

– Ладно. Ты отметилась. На мой вкус, уже припекает. Идем.

– Хорошо, – согласилась Руби, потягиваясь. – Пора наполнить желудок чем-то сытным.

Мы шли назад, а я озиралась по сторонам: нет ли Чейза? Может, прячется за деревьями или караулит возле моего дома. Смотрела, появится ли вообще кто-нибудь. Но никого не было.

Тем не менее они на нас смотрели. Мелькали тени за окнами. Все предпочитали оставаться в надежном укрытии.

Когда мы перебирались в Холлоуз Эдж, нас привлекло именно это: обособленность, уединенность. Тесный круг. Соседи, которые, если что, присмотрят друг за другом.

А теперь мы стали заложниками такого образа жизни.

Скажу прямо: после смерти Брэндона и Фионы Труэтт мы попали в западню. В ловушку, где каждый знал про другого абсолютно все.

Глава 3

Я уговорила Руби разрешить мне заказать пиццу, и вот мы сидим в гостиной, перед ней мой открытый ноутбук, а рядом, по другую от нее руку, на диване, свернувшись калачиком, лежит Кода.

– Ты точно готова заплатить? – спрашивает она, быстро добавляя в интернет-корзину разную одежду.

– Абсолютно.

Ведь это я отдала ее вещи, и вот она сидит рядом со мной, излучая легкий запах хлорки, влажные волосы спутались, в моей летней одежде. Кредитки у нее нет, работы тоже, счета в банке – тем более.

Она выбрала экспресс-доставку и передала ноутбук мне – ввести информацию для оплаты.

– Меня это вполне устраивает, – сказала она и подмигнула. Не помню, чтобы она раньше подмигивала. Больше всего меня нервировали эти ее новые причуды.

Она подвинулась ближе, подушки между нами чуть вжались, и ее плечо на миг коснулось моего. Руби наблюдала за тем, как я размещаю заказ.

– Слушай, давай поглядим, что про меня говорят.

Я вздрогнула, сердце подскочило к горлу.

– Хочешь, чтобы я тебя погуглила?

Что там может выскочить? Ссылки, по которым я уже пе-

реходила, прочитанные статьи, все, что я и так проглотила, без свидетелей.

– Нет, – возразила она. – Я имею в виду здесь. На страничке. Что говорят на местной страничке.

У меня закололо в пальцах. Руби никогда не имела доступа к страничке сообщества Холлоуз Эдж, ведь она не собственница. Президент нашего правления Шарлотта на свое усмотрение разработала правила: доступ к местной страничке имеют только собственники жилища. Тогда она решила, что Руби – нечто среднее между не зарегистрированным съемщиком и заехавшим на долгий срок гостем.

Но как ей сейчас отказать? Она сидит рядом, на ней моя одежда, потому что ничего своего у нее нет. Когда-то я сама уговорила ее остаться – эта мрачная тайна пока остается при мне.

Она смотрит, как мои пальцы бегают по клавишам, вводят логин, пароль. Страничка загрузилась быстро, записи выстроились по датам. Сегодня новых постов не было. Ни одного.

– Сейчас все по-другому, – объяснила я. – Народ сюда без особой надобности не заходит.

Я быстро захлопнула ноутбук, прежде чем она успела посмотреть записи, сделанные раньше, проверить, не обманываю ли я ее.

Со вздохом она отодвинулась на свою сторону дивана.

– Сама не знаю, чего я ждала, – сказала она и взяла еще

один кусок пищи с сыром. – Может, мои фотки с каждой камеры на улице? – Она наигранно улыбнулась и прикрыла глаза, вдыхая аромат жирной пищи. И по пище, наверное, соскучилась. – А ты свою починила, Харпер?

Когда-то у меня тоже стояла камера безопасности. Торчала под углом над крылечком, скорее для устрашения. Но в ту ночь она ничего не записала. Даже если Айдан и заказал какую-то услугу, срок давно истек.

– Нет, руки так и не дошли, – призналась я. Хотя само устройство до сих пор бессмысленно смотрит в пустоту. Камеры, с одной стороны, тебя защищают, но также могут тебе навредить. Любое мелкое нарушение они зафиксировывают. А сколько людей могут рассориться! Как меня спасет камера, если ключ от моего дома у человека, который попал в тюрьму?

Мы поели, я отнесла тарелки на кухню, выбросила коробку из-под пищи в мусорный бак в гараже. Наверное, Руби захочет поспать. Уверена, она устала не меньше, чем я. Палящее солнце, прохладительные напитки – все это располагает к отдыху... я даже не знаю, когда она последний раз спала.

– Тебе что-то нужно, пока я не пошла спать? – спросила я, выключая телевизор. Должна же она понять намек?

Она поменяла позу на диване и посадила Коду на колени.

– Нет, все хорошо. Просто привыкла к шуму. Забыла, что может быть так тихо.

Но тихо было только в доме. Снаружи ночь жила сво-

ей жизнью, природа вокруг будто шевелилась. Стрекотание сверчков со стороны леса, кваканье, доносящееся с озера. Этот звук однажды напряг меня, но оказалось, что к окну прилипла лягушка, она верещала так пронзительно, будто просила помощи.

Когда шло расследование, мы официально стали патрулировать поселок и ввели комендантский час. Нас еще долго мучили страхи. Мы запирали двери и калитки, плотно задергивали занавески, перед сном клали на тумбочку газовый баллончик или еще что похлеще. Вслушивались в тишину. Говорили шепотом. Пытались объяснить звуки, которые доносились из соседних домов. В три ночи вдруг заиграет музыка. Какая-то ссора недалеко. Стук. Мы глазели в потолок, мучились бессонницей, изучали прежние записи на своих камерах.

Руби ничего этого не знала, за время ее отсутствия здесь многое изменилось.

– Спокойной ночи, Харпер, – сказала она, потому что я никак не уходила.

– Спокойной ночи, – ответила я. Не хотелось оставлять ее одну, но я все-таки ушла в спальню. Еще подумает, что я ей не доверяю, чего-то боюсь.

Окно моей комнаты было над входом в дом, а ее комната, поменьше, выходила на участок, вторая дверь туалетной комнаты открывалась в коридор, который вел на лестницу и к входу. Перед тем как лечь, я еще раз глянула в телефон.

Никто меня не домогался. Ни звонков, ни сообщений, ни вопросов. Но эта тишина была вполне красноречивой. Моя дружба с соседями слишком хрупкая, такое испытание, как приезд Руби, ей не выдержать.

В прошлом году мы узнали, хотя, возможно, знали это всегда, что у Холлоуз Эдж есть два обличья. Одно на поверхности: мы приветливо машем соседям, что-то советуем, открываем друг другу калитку у бассейна, улыбаемся.

Но есть и другое, кипящее внутри.

Удивляться тут нечему. Я с этим столкнулась в своей семье, когда росла. Моего брата Келлена с шестнадцати лет таскали по исправительным учреждениям, и отношения между родителями стали напряженными, дали трещину. Мама с папой спорили, обвиняли друг друга. Но миру представал совершенно другой фасад, мы лакировали действительность, делали хорошую мину и выдавали черное за белое.

Наконец я услышала, как Руби поднимается по ступеням. Принимает душ. Я расслабилась, перевернулась, постоянно поглядывая на дверь. Из-под нее виднелась тень. Я досчитала до десяти – тень не исчезла. Посмотрела на дверную ручку – надо было запереться? Что хуже: допустим, Руби войдет. Или не войдет, но поймет, что мне страшно?

Наконец, тень отступила. Но тут я услышала, что Руби спускается по лестнице, скрипнула задняя дверь. Я села в постели: куда она собралась? Что у нее на уме? Часы на моем столике, как надежный свидетель, отмеряли время.

Может, я зря беспокоюсь? Что-то хочу прочесть между строк? А она всего-навсего вышла подышать свежим воздухом, это ведь так понятно.

Но из головы не шли мысли о той ночи, к которой мы были вынуждены возвращаться и с полицией, и сами. Тогда я и услышала, что так же скрипнула задняя дверь, а потом включилась вода в душе – около двух ночи.

В тот момент у меня не возникло никаких подозрений. Даже когда нашли тела.

Поначалу никто не испугался. Все были потрясены, это да. Огорчены, конечно. Но страха не было. Если чего-то и боялись, то себя. Боялись, что упустили нечто важное. Когда Брэндона и Фиону нашли мертвыми, мы еще не знали, что это преступление – разве что убийство-самоубийство на бытовой почве (и мы могли направить следствие по любому из этих путей). Если это и преступление, то локальное.

Но постепенно, через несколько дней, картинка изменилась.

Детектора угарного газа – такой стоял в каждом доме – на своем месте не оказалось, его в доме вообще не было.

Полиция обошла всех в округе: где мы были той ночью, что слышали, на что обратили внимание. Наконец стало ясно: в доме, кроме Брэндона и Фионы Труэтт, был кто-то еще. И этот кто-то их убил.

Воскресенье, 30 июня

СТРАНИЧКА ОБЩИНЫ ХОЛЛОУЗ ЭДЖ

Тема: НАПОМИНАНИЕ! Вечеринка у бассейна в честь 4 июля

Отправлено: 8:47

Хавьер Кора: В четверг приходите с соседями смотреть фейерверк в честь 4 июля! С территории нашего бассейна открывается отличный вид на шоу у озера. Приглашаем всех!

Марго Уэллмен: А это сейчас уместно?

Хавьер Кора: Почему нет?

Тема: Дежурство

Отправлено: 9:02

Марго Уэллмен: Может, снова будем выходить на дежурство?

Престон Сивер: Давайте, а то зимой как-то расслабились. Лично я готов.

Марго Уэллмен: Чейз! В прошлый раз дежурства организовал ты?

Шарлотта Брок: Чейз в нашей группе больше не состоит.

Глава 4

Когда утром я спустилась на кухню, Руби уже готовила завтрак: тосты, яичница, кубики вчерашнего арбуза в миске. Я выжидала у себя в комнате, приняла душ, проверила, что на доске объявлений написали соседи, выглянула в окно посмотреть, нет ли чего подозрительного. Мне предстоял еще один день с Руби в моем доме – как с этим справиться?

– Доброе утро! – встретила она меня.

На столе уже стоят две кружки кофе, у ног Руби Кода из своей мисочки ест свежий корм. Бодрый голос, легкая улыбка – наверное, одну чашку кофе она уже выпила. На ней моя старая футболка, спортивные шорты, косметики нет, волосы собраны в тугий хвост. Кожа чуть бронзовая от солнца, но порозовела на щеках и у переносицы.

– Ого! – Она вытянула руку и прижала к моей шее два холодных пальца. – Ты обгорела.

Я и сама это поняла, стоя под горячей струей в душе.

– Давно проснулась? – спросила я, взяв протянутую мне кружку. Все как раньше. Роли расписаны.

– Более или менее. Наверное, тело привыкло к ранним подъемам и не знает, куда себя девать.

Она склонила голову набок, будто ждала, что я задам следующий вопрос.

В соседнем доме, спасая меня, затрещала газонокосилка,

и я выглянула в окно над раковиной. На этой неделе косить траву возле пустого дома была очередь Шарлотты, поэтому там была одна из ее дочерей-подростков. Издалека я всегда различала их с трудом. Одной семнадцать, другой восемнадцать, у обеих длинные каштановые волосы, длинные белые ноги и нервная привычка во время разговора теревить кончики прядей.

– Ты завтра работаешь? – спросила Руби, и я оторвалась от окна. Она хочет, чтобы я слиняла? Или это просто так, поддержать разговор?

– На этой неделе я свободна, наш отдел не работает.

Это было не совсем так, но звучит достоверно. Впереди четвертое июля, и трое моих коллег со своими парнями на всю неделю арендовали пляжный домик. Меня тоже приглашали, но я сказала, что я пас, хотя при мысли о пляже плечи сами распрямлялись, а дыхание становилось ровнее. Я отшутилась, мол, кто-то должен остаться на хозяйстве, хотя летом график у нас гибкий, и старшая как раз я.

Но завтра я на работу не пойду, исключено. Оставить Руби в доме одну – ни в коем случае.

– Эй! – воскликнула она, навалившись на стойку и всем видом выражая беспечность. – Ты кусты пересадила? – Руби смотрела не на меня, а куда-то в пространство за окном гостиной, в сторону моего дворика.

Я постаралась ответить ей в тон, беззаботно, обхватив теплую кружку руками, чтобы сделать глоток кофе:

– Да, еще весной. Ходили тут какие-то, спрашивали, не нужно ли что на участке сделать, вот я и клюнула.

Руби повернула лицо ко мне, поставила кружку на стол.

– Что значит «какие-то»?

Газонокосилка оглушительно заскрежетала прямо под кухонным окном, я подождала, когда она утихомирится.

– Точно не знаю, какие-то мальчишки из колледжа, просто хотели подзаработать.

Она повернулась к столу и поставила кружку в раковину.

– На участке клево. Только вроде бы кролики появились. Что-то там есть.

В голове мелькнуло: может, там есть ты, Руби? Ты же вчера вечером выходила? Искала там что-то свое?

Под окном снова возникла газонокосилка, и на сей раз дочка Шарлотты – старшая, Уитни, вблизи я их различаю – бросила взгляд в кухонное окно. Руби махнула ей рукой, та выдала неестественно широкую улыбку. До меня дошло: она специально ходит под окном, надеясь увидеть Руби, с бесстрашным и нездоровым любопытством, какое подросткам стоило бы унять.

Руби проводила Уитни взглядом.

– Посмотришь на девчонку, которую давно не видела, и понимаешь, как летит время.

– Ей скоро в колледж, – сказала я.

В прошлом месяце у бассейна была вечеринка, пришли все, можно было подумать, что мы отправляем ее в само-

стоятельное плавание на край света, а не просто в колледж на другом краю озера. Но Шарлотта такая, придерживается устоев, соблюдает традиции. Она даже привела обеих девочек на экскурсию по колледжу, ждала в моем кабинете с Молли, младшей дочерью, пока Уитни проходила в другой комнате собеседование. Будто и так не было ясно, что ее примут.

Руби наблюдала за тем, как Уитни косит траву.

– Бывало, раньше смотрю на нее и думаю: это же я, когда была в этом возрасте! – Руби вдруг поморщилась: – Надо ее предупредить, – приложив руку ко рту она крикнула: – Осторожно! – Но услышать ее могла только я.

Руби преподавала английский в частной школе Лейк Холлоу, где и учились в старших классах дочери Шарлотты. Арест Руби для школы не прошел бесследно – родители были в ярости, как же, рядом с их детьми была убийца!

Интересно, а как к этому отнеслись дочки Шарлотты? Ведь раньше они Руби доверяли. И теперь пять раз подумают, прежде чем кому-то открыться? Испугались они тогда или были просто сбиты с толку? Случалось, я прихожу домой с работы, а за нашим кухонным столом сидит Уитни и делает уроки, а Руби где-то рядом, проверяет тетради. Полная гармония.

Руби была достаточно взрослой, чтобы быть их учительницей, но достаточно молодой, чтобы быть с ними «своей», разрешать им при надобности приходить сюда, и располагать

их доверием. Достаточно молодой, чтобы обращаться к соседям «господин и госпожа Труэтт», чтобы ее нанимали ухаживать за домашними животными, забирать почту, когда хозяева куда-то уезжали. Еще будучи студенткой, она сидела с собакой Труэттов, а если они совсем ее доставали, могла поделиться с нами пикантной подробностью: «Между прочим, они спят в разных комнатах».

Руби кашлянула.

– Боюсь спросить, но мой каяк ты тоже отдала благотворителям? – внезапно сменив тему, спросила она.

– Нет, он в гараже. Но одной мне его не вытащить.

В гараже у меня лежит всякий хлам. С тех пор как умерли соседи, машину я держу на подъездной дорожке. Потому что опасность стала более осязаемой. Это же так просто: включить машину и забыть ее выключить. И здравствуй, медленная ползучая смерть.

Подозреваю, что-то после этого преступления надломилось не только во мне, но и во всех, кто жил на нашей улице. Возникло ощущение, что смерть бродит где-то рядом. И от этого было некуда спрятаться, жизнь словно висела на волоске.

Но когда Руби посадили под замок, стало легче. Чувство неминуемой опасности исчезло. Будто я с чем-то расправилась и окрепла. Победила смерть, перехитрила опасность. Она была совсем рядом, но прошла мимо.

И вот это ощущение снова вползает в меня. Опасность вы-

шла наружу. А может, она никуда и не исчезала.

– Значит, отдала благотворителям не все, – заметила она.

– Твой каяк в машину не поместился, – сказала я, усмехнувшись.

В ответ Руби в голос рассмеялась, чем застала меня врасплох.

– Врать ты никогда не умела.

На самом деле я оставила кое-что еще. Пару круглых се-режек, которые всегда мне нравились. Лак для ногтей идеально розоватого оттенка. Сумочку, которой она пользовалась по особым случаям. Когда приехал ее отец и, едваглянув на коробки, велел от всего этого добра избавиться, я поняла, что могу действовать на свое усмотрение. Поэтому я не сильно из-за этого переживала. Могу только повторить: двадцать лет – это очень долго.

Но я же не могу сказать Руби, что прочесала все ее вещички по одной и сама решила, что стоит оставить. В общем, каяк остался.

После обеда я помогла ей оттащить лодку к озеру. Мы убрали из гаража мусор, сменные контейнеры, коробки, которые пришлось разломать, и велосипед – у меня были на него серьезные виды, но сейчас он в основном стоял без дела. Сняв брезент и разобрав мое старое снаряжение для кемпинга, мы добрались до каяка, который, весь в пыли, был прижат к стенке. Моя тележка давно сломалась – одно колесо смотрело внутрь, металл погнулся, – поэтому мы развер-

нули ярко-розовый каяк боком, чтобы было удобнее нести его, и пошли гуськом вдоль дороги.

От бассейна шла незаметная, но хорошо протоптанная дорожка. Она проходила от дома Марго и Пола Уэллменов. Наверняка сейчас Марго смотрит, как я иду следом за Руби. Я прислушалась, голосов не слышно – только жужжат москиты да скачут по веткам белки, вроде никто за нами не наблюдает. Хотя можно не сомневаться – двух женщин с розовым каяком засекли все.

Наконец Руби зашлепала по доскам, и я слышала, как на коренья и камни с плеском накатывается вода.

Мы привыкли, что на краю озера Холлоу всегда дует легкий ветерок и от воды веет холодом. По крайней мере, при движении воздуха впечатление именно такое. Иногда я прихожу сюда по утрам, стою и смотрю на водную ширь, будто жду какого-то чуда. Чуда, с которым можно посоперничать, побороться, как лодка борется с течением. Вспомнить кайф от плавания в океане, когда надо кричать, чтобы тебя услышали, когда ловишь лицом холодные брызги, когда тебя жалят порывы ветра – и надо двигаться, действовать.

Но летом озеро мелеет, на береговой линии из-за жары обнажаются корни деревьев. По глади озера изредка пробегают беспокойная рябь. И воцаряется тишина.

Пока мы опускаем каяк на землю, Руби оценивает территорию, будто с трудом оживляет в памяти какие-то воспоминания.

– Озеро высыхает, – говорю я. – Дождя не было целый месяц.

Она сбросила шлепки – те ей заметно малы, ведь они мои – и развернула каяк носом в воду.

– Спасибо, что помогла. Обратно как-нибудь сама дотащу.

– Ага, конечно. – Знаю, она и сама справится, Руби способна на многое. Но оставлять ее без надзора не хочу. Ведь ей же тут что-то понадобилось? – Мне все равно деваться некуда. – Я сбросила туфли и вступила в тепловатую воду, нога сразу ушла в ил. – Здорово здесь.

– Ладно, – согласилась она. – Я быстро. Просто давно об этом мечтала.

Она отплыла, направляясь прямо по центру узкого залива, впадавшего в само озеро Холлоу. Береговая линия изрезана, поэтому причал колледжа, а за ним – крыши невысоких кирпичных зданий, уходящие в лесной массив, отсюда не видны.

Мне открыта только другая сторона залива – рощица и заросли кустарника, прекрасное место для ондатр и змей. Этот участок уже не наш. Там частная собственность, землю на том берегу от зарослей очистили, но так ничего и не построили, туда ведет горбатая и труднодоступная дорога. На ближайшем дереве знак – дальше нельзя.

Сыщики неделю шарили здесь в поисках улик. От Чейза мы узнали, что они нашли разве что пустые бутылки из-под пива, небрежно закопанные в почву, да следы давнего костра

на просеке.

Солнце отражалось от поверхности воды и ослепляло, а Руби прокладывала путь, нарушая спокойствие озера. Я следила за ней, поднеся к глазам козырек руки, ноги глубже уходили в ил. Как вдруг сзади раздался свист.

Я резко обернулась – никого. Только птицы щебечут в деревьях, общаясь друг с другом.

Снова свист, в этот раз более пронзительный, откуда-то сверху, со склона. Я шагнула в сторону, чтобы лучше видеть сквозь деревья. Это же Мак! Стоит у бетонного края бассейна, высокий, худой, фирменная синяя шляпа, просунул руку сквозь железные перекладыны и машет мне – иди сюда.

Под шляпой русые кудри, на глазах темные очки, из-за которых не понятно, куда он смотрит. Все что я видела, когда аккуратно пробиралась по заброшенной тропке, – свое отражение в линзах.

Он глянул через плечо, потом вцепился руками в перекладину, подался вперед.

– Привет, – сказал он, протянув руку и крепко ухватившись за мое запястье, чтобы помочь мне забраться по склону. – Это она?

Ни слова о моем вчерашнем сообщении, которое осталось без ответа.

– Да. Захотела покататься на каяке.

Свободной рукой я ухватила за железную перекладину рядом с ним. Но мое запястье он не отпустил, прижал боль-

шой палец к жилке пульса.

– Захотела... – Он покачал головой, потом продолжил: – Извини, Престон сказал мне, что вчера видел вас обеих у бассейна и что она остановилась у тебя. От этого меня совсем переклинило.

– Меня тоже, – сказала я.

Кому, как не ему, знать: если Руби что-то надо, отказывать ей бессмысленно.

– Даже не знаю, что сказать, Харпер.

Попросить прощения за то, что вчера не ответил. Не перезвонил. Что все это свалилось на меня одну. Не знает, что сказать. Обо мне или о Руби? Это для него нормально, то ли в чем-то признается, то ли о чем-то спрашивает – не поймешь.

– Вот ничего и не говори, – сказала я. – Особенно ей. – Пауза, он приблизил ко мне лицо, отпустил мою кисть. – Так будет лучше.

– Я и не собирался. – Он снял темные очки и пристроил их на шляпе. На переносице остались легкие вмятины. Он наклонился ко мне и почти прошептал: – Какого хрена ей надо?

– Не знаю.

И правда, нужно ли ей что-то конкретно?

Мак застонал, провел рукой по лицу.

– Это же надо – приехать сюда! – Он замер, услышав какой-то звук из леса. Наверное, пробежал зверек. Мак неосо-

знанно отпрянул. – Наверное, вечером узнаем.

– Почему вечером? – спросила я.

– Шарлотта устраивает собрание.

Я покачала головой – это он про что?

– Мне никто ничего не сказал про собрание.

Может, было на доске объявлений, а я пропустила?

Мак пожал плечами, быстро оглянулся – у бассейна никого не было. Вещи оставались только на лежаке, который занял сам Мак: полотенце в полоску, а рядом красный контейнер с водой.

– Шарлотта сообщение прислала, народ соберется. В половине восьмого.

– Пойдешь? – спросила я.

Обычно Мак таких встреч сторонится. Он не из тех, кто строит планы. Мак скорее случайно становится участником событий, радостно удивляясь открывающимся возможностям.

– Ну да, она попросила у нас встретиться.

– Шарлотта попросила?

Дом Сиверов мы в шутку называли «общагой», хотя по чистоте они любому из нас могли дать фору. На самом деле их все любят, наших братьев Сивер, есть в них что-то привлекательное: просты в общении, умеют по-дружески пошутить. Будто застряли в молодости и возраст их не берет. Но чтобы Шарлотта Мака или Престона о чем-то попросила?

– Да, она не хочет собираться поблизости от места, где все

случилось, понимаешь?

Или поблизости от меня.

Он говорил так, будто я не должна обижаться, что меня вывели за скобки. Ведь получается, что с приездом Руби они прочертили линию, а я жестко оказалась по другую ее сторону.

– И кто? – спросила я. – Кто будет?

Неужели позвали всех, кроме меня?

– Без понятия, Харпер. Я просто площадку предоставляю.

Иногда я просто не понимаю: как такая яркая личность может быть такой пассивной? Хотя стоит ли удивляться? Макку хорошо за тридцать, но честолюбивые планы он похоронил давно. Или его честолюбие обрело другие черты, он понял, как с минимальными затратами энергии вести вполне уютный образ жизни. И его довольство жизнью передавалось другим. Улыбка обезоруживает. Из уголков карих глаз расходятся лучики морщинок – появились за последние пару лет – и добавляют ему еще больше шарма.

На слушании Мак показаний не давал – ни для обвинения, ни для защиты. Никакой позиции не занял – как карта ляжет, так и будет. Тяжелую работу – подтверждение записи с видеокамеры, на которую попала Руби, – он оставил брату.

Послышался щелчок, закрипели петли – калитку открыл Престон. Увидев меня, он чуть замедлил шаг.

– Привет, – подал Мак голос через плечо, Престон приветственно махнул рукой и пошел к лежаку рядом с лежаком

брата.

Когда они рядом, Престон выглядит усеченной и более изящно обработанной версией Мака, на несколько дюймов ниже, на несколько дюймов шире, те же русые волосы, но стрижка короче и аккуратнее, не обошлось без специального геля. В профиль у обоих горбинка на носу, одинаковая форма глаз, только у Мака карие, а у Престона изумрудно-зеленые.

Престон на пять лет моложе Мака, но из братьев Сивер именно он более успешен, целеустремлен и надежен. Мак утверждает, что взял к себе брата после колледжа – помочь встать на ноги, но на самом деле Престон помог Маку получить работу на факультете почвоведения в колледже Лейк Холлоу. До этого Мак работал на частной пристани по ту сторону озера, вытягивал на сушу лодки, готовил их для владельцев.

Эту работу Мак делал с определенным шиком, сознательно или нет, не знаю. Пляжные шорты с ярким рисунком, поношенные серые футболки на загорелом теле, шлепки и соответствующая походка. Он неторопливо волочил ноги, и в этом тоже была своя прелесть.

– Слушай, – сказала я вполголоса, – держись от нее подальше. Ладно?

– Ладно, как скажешь. Я так и хотел. – Мак посмотрел мне за плечо, в сторону воды. – Почему бы ей просто не исчезнуть? Я бы исчез. А ты?

– Я узнаю, что ей здесь надо. Так и скажи Шарлотте и всем остальным – я узнаю.

– Будь осторожна, девочка, – сказал он, еще раз постучал по перекладинам и отошел к брату.

– О чем болтали?

Это Престон, открывает банку пива, сидит прямо, свесив ноги на одну сторону лежака... но что ему ответил Мак, осталось для меня тайной.

Я осторожно пошла по крутому склону, чуть скользя по камешкам и опавшим листьям, до слуха доносился плеск весла, тем громче, чем ближе я подходила.

Идти на их собрание просто глупо. Эти их дежурства, встречи – важные темы там не обсуждали никогда.

Никто и пальцем не шевельнул, чтобы ее защитить. Ни во время следствия, ни теперь. Все считали, что Руби Флетчер виновна.

Тогда мы сошлись на том, что это ее рук дело, потому что у нас не было выбора. Ведь если в дом по соседству прокрадась не она, не она повернула ключ зажигания и завела машину – значит, это сделал кто-то другой.

Кто-то из нас.

Глава 5

Когда мы вернулись, на крылечке громоздилось несколько коробок, все на мое имя, но предназначались для Руби. Мы положили каяк перед домом, и Руби метнулась к ступенькам. Сгрэбла коробки, как ребенок на Рождество, и по одной потащила к себе в комнату.

– Я потом заплачу, – пообещала она, уперев в бедро последнюю коробку. – Честно.

– Да ладно, – отмахнулась я.

– У меня какие-то наличные есть, только мало осталось.

– У тебя есть деньги?

Эта подробность застала меня врасплох.

– Да, адвокат мне немного подбросила, чтобы сюда добраться. Ну и на первое время.

Конечно. Ведь она приехала на такси. Может, она здесь именно поэтому – забрать то, что оставила? Но я все отдала и нарушила ее планы. Тут мне пришла в голову еще одна возможность решить проблему.

– Тебе нужно еще? – спросила я.

Обвинитель навешал ей ярлыков: аферистка, воровка, антиобщественный элемент. Выбирай, что больше нравится. Может, он был прав? И я – жертва? С полным осознанием, но все-таки жертва? Я затаила дыхание: вдруг она согласится взять деньги и тронется в путь, уберется отсюда? Уедет из

Холлоуз Эдж, не оглядываясь?

Руби задумалась, положила руку на перила лестницы.

– Ты и так сильно потратилась, – сказала она. – Вот если поможешь мне с работой, будет здорово – Подняв голову, я увидела, что она смотрит прямо мне в глаза, но по выражению лица ничего не поймешь. Наконец она добавила: – Ты же директор приемной комиссии, верно?

Между нами будто возникло электрическое поле.

– Верно, – я помолчала. – Но у нас сейчас нет вакансий...

Она расплылась в улыбке.

– Шучу, Харпер. Господи, можешь такое представить? Я работаю в вашем отделе после всего? Это же уму непостижимо!

Она сказала это легко, но меня словно холодом обдало, я застыла на месте. Что ей вообще известно, что у нее за источник информации? Зачем ей вообще узнавать, чем я занималась эти четырнадцать месяцев? Какие изменения произошли в моей жизни? Ведь я продолжала жить, пока она сидела за решеткой...

Надо выйти из дома. Проветрить голову. Но оставлять ее здесь одну?

Когда она поднялась в свою комнату, я вышла на крылечко, но уходить от дома не стала.

Взяла шланг, вымыла каяк и нашу обувь, по дорожке потекла мутная вода. Сейчас выйдет кто-то из соседей: Тейт спросит, что здесь делает Руби, Шарлотта расскажет про со-

брание... Но никто не появлялся, над улицей висела тишина. Где-то дальше залаяла собака, мои плечи напряглись, живот скрутило. Это знак. Предупреждение. Суровое напоминание – здесь произошло нечто ужасное.

В то морозное мартовское утро я была на улице, на пробежке. Когда выходила из дома, слышала, как в соседнем доме, у Труэттов, лает собака. Еще подумала: надо же, именно они не следят за своими питомцами! Главные ревнители нашего местного постановления о шуме.

Через полчаса я вернулась, а собака все лает, еще громче, даже завывает. Тут я подумала: может, Руби должна была собаку выгулять и забыла? Это был первый день весенних каникул, может, Труэтты куда-то уехали? И оставили собаку во дворе, думая, что Руби скоро заглянет.

Но потом я вспомнила: Руби сама пришла в два часа ночи, я же слышала шум воды в душе. Решила ее не будить – вдруг я ошибаюсь?

Было около семи утра, но Труэтты ранние пташки. И я все-таки к ним постучала, тихонько, чтобы никого не будить в день отдыха. Тем более моего босса, он не любил со мной сталкиваться за пределами рабочего пространства.

И тогда, стоя на их крыльце, я услышала легкий гул из их гаража. Машина заведена, наверное, собрались куда-то ехать. Я подождала, когда откроется дверь гаража, но она не открывалась. Чутье подсказало мне: очень долго, тут что-то

не то.

Я позвонила в дверь два раза подряд, но никто не откликнулся. Трясущейся рукой я коснулась дверной ручки. Дверь была не заперта. Я толкнула дверь и все поняла. Сразу же.

Входить не стала. Отшатнулась, огляделась по сторонам – на углу еще один любитель утреннего бега. Походка до боли знакомая. Я крикнула: Чейз! Чейз! Наверное, что-то в моем тоне испугало его. Во всяком случае, он какими-то странными рывками кинулся на мой зов. Услышала меня и Шарлотта, она вышла прямо в пижаме, я встретила ее у их крыльца. *Машина заведена*, – сказала я, и она прикрыла руками лицо.

Именно Чейз, прикрыв рукой рот и нос, вбежал в гараж, выключил двигатель и велел нам открыть двери и окна.

Но было поздно.

С тех пор от лая собаки я всегда вздрагиваю, вспоминаю ту минуту, когда я все поняла и когда все изменилось.

После этого несчастья наш поселок стал другим – чувство безопасности дало трещину. Наше неторопливое лето, соседи, они же коллеги и друзья, свой полицейский на улице – мы были уверены, что нам ничто не угрожает.

Поселок в одночасье стал другим, другими стали и мы.

Войдя в дом, я услышала, что наверху включен душ, и решила позвонить Шарлотте. Но она не откликнулась, и я написала сообщение: «Слышала про собрание. Могу чем-то помочь?»

Я давно поняла: если тебе что-то нужно от Шарлотты – предложи ей помощь. Она глава ассоциации собственников, и ее все время кто-то останавливает на улице, приходит к ней домой, когда вздумается, донимает вопросами или жалобами. А у нее и на работе много хлопот, она юрисконсульт нашего колледжа, только и делает, что решает чужие проблемы.

Дверь наверху хлопнула, и Руби сбегала вниз. Она неслась по ступенькам с такой скоростью, что мне стало не по себе. На одежде болтаются этикетки, волосы влажные и взъерошенные – неужели за ней кто-то гонится? Но внизу она остановилась и стала лихорадочно шарить между диванными подушками.

– Идет, идет!

– Что? Что случилось?

Я подошла к ней, чтобы помочь, но что она ищет?

Тут я увидела, что в руке у нее телефон. Я его раньше не видела и понятия не имела, что он у нее есть. Руби показала его мне.

– Моя адвокат звонила. Сейчас идет программа. По новостям.

– У тебя есть телефон?

Глупый комментарий. Глупый вопрос.

– Да, адвокат дала. Но ничьих номеров у меня нет.

Она слушала меня вполуха, шарила глазами по комнате, пока не нашла пульт от телевизора.

Первый раз после ее приезда мне удалось заглянуть за фасад, который она так тщательно выстроила. Руби нажимала кнопку на пульте дрожащими пальцами, глаза широко распахнуты, рот приоткрыт. Дышит прерывисто, нетерпеливо переминается с ноги на ногу около дивана.

– Вот она, – Руби пультом показала на загоревшийся экран телевизора. – Моя адвокат.

Гладкие темные волосы до ключиц, заостренные скулы, деловой костюм. Внизу слева на экране жирным шрифтом ее имя: Блер Баумен. Сейчас она говорит:

– Правосудие совершило серьезную ошибку. Улики, способные обелить Руби Флетчер на раннем этапе следствия, были намеренно уничтожены. Она стала жертвой преступления, которое выходит за рамки этого процесса. Ее арестовали незаконно.

Руби присела на диван, подалась вперед. По ту сторону экрана Блер Баумен сидела за столиком с мужчиной и еще одной женщиной, они обсуждали детали дела. Говорили о том, что один из соседей – полицейский, не имел права вмешиваться в ход расследования. Но он с самого начала повел следствие по ложному пути, научив остальных, что надо говорить, а что не надо. Что видеозапись доказала лишь одно – Руби была поблизости. Конечно, была, потому что жила по соседству, а находиться на улице – это еще не преступление. Что свидетели дали ложные показания.

– Отношения между соседями вызывали сомнения с са-

мого начала, — заключила адвокат и, подкрепляя свою точку зрения, ударила рукой по столу.

Из горла Руби вырвался какой-то хрип, а пружина в моих плечах натянулась еще сильнее. Это не про меня. Я не лгала. Меня вызвали свидетелем защиты — единственную из всех соседей, — заступиться за Руби, я и хотела заступиться. Решила, что так и надо, что это будет правильно.

Но когда выступаешь свидетелем в суде, что бы ты до этой минуты ни думал, меняется. Ты говоришь то, что велит тебе твой бог, или вера в систему. Так или иначе, тобой движет то, во что ты веришь. И ты веришь, что система, которую мы построили, не может обвинить человека по ошибке. Или по ошибке оправдать. Чтобы суд вынес верное решение, все должны соблюдать правила. И ты следуешь этим правилам, потому что веришь в нечто большее, чем ты сама.

И я сказала суду: да, иногда Руби выгуливала их собаку. Да, вероятно, у нее был ключ. Да, в ту ночь она выходила из дома, и я слышала, как в два часа ночи она вернулась через заднюю дверь, а потом слышала, как она принимает душ.

Но я также сказала, что у нее не было никакого мотива убивать Труэттов. Что все мы знаем Руби не один год. Что жить с ней под одной крышей было легко, что она человек надежный, что между ней и Труэттами не было конфликтов, обычные соседские отношения. Я сказала, что Труэтты ей доверяли.

Но я не знала, какие показания дали другие. Не знала, что

на суде предъявили запись с видеорекамера. И эта запись по времени подтверждала общую версию. Я не слышала, какие показания дал Чейз.

А он сказал, что утром, когда мы нашли Труэттов, сбежали все соседи. Все суетились, волновались. Не было только Руби. Будто она уже знала, что произошло.

Оказалось, что на суде предъявили карту нашего поселка, на ней было написано, кто в каком доме живет. Жильцы каждого дома дали показания, и четко обозначился путь – замкнутая петля – от места преступления до возвращения Руби домой: дом Шарлотты Брок, дом Престона Сивера. Дом Марго Уэллмен. И мой.

Когда я вошла в зал суда, я никак не думала, что решение фактически уже принято. Как, видимо, и Руби – у нее не было денег, чтобы оплатить залог, она считала, что суд пройдет быстро и ее отпустят.

И, выступая свидетелем, я и понятия не имела, что вношу недостающее звено, которое позволит признать ее виновной.

Руби выгнулась вперед, уперла ладони в подбородок, максимально сосредоточилась.

Адвокат подводила итоги.

– Мы рассматриваем варианты, но одно ясно: свое слово мы еще скажем.

Руби повернулась ко мне, можно сказать, опьяненная нахлынувшими чувствами – то ли возбудилась, то ли ощутила свою силу.

– Мы подадим в суд, – заключила она.

Неожиданно она улыбнулась, впервые по-настоящему, и я узнала эту улыбку. Вот она, подлинная Руби Флетчер. Та, которую я помню. Я вдруг поняла, зачем она здесь. Поняла, что она здесь делает, что ей нужно. И тут она произнесла это вслух:

– Кто-то за это заплатит.

Понедельник, 1 июля

СТРАНИЧКА ОБЩИНЫ ХОЛЛОУЗ ЭДЖ

Тема: Запись на вечеринку 4 июля!

Отправлено: 9:22

Тейт Кора: Выпивку с собой. Престон, пожаришь мясо, как в прошлом году? Все дайте знать, кто что привезет, чтобы не дублировать. Я сделаю лимонад.

Престон Сивер: Конечно, пожарю! И еще хот-доги принесу.

Мак Сивер: Чипсы и овощи.

Марго Уэллмен: Приготовлю лимонад!

Тейт Кора: Я лимонад уже заявила.

Шарлотта Брок: Не страшно. Лимонада много не бывает. Принесу бургеры и булочки.

Тема: Запись на дежурство по поселку

Отправлено: 10:47

Шарлотта Брок: Всем привет, мы уже об этом говорили, давайте снова установим дежурство, чем быстрее, тем лучше. Обсудим это в домике у бассейна сегодня в 7 вечера. Есть добровольцы дежурить уже сегодня?

Мак Сивер: Я готов.

Глава 6

Когда я проснулась, Руби не было слышно. Я вышла из спальни, в голове легкий туман, еще не пришла в себя после сна, в доме гнетущая тишина. Ни запаха кофе, ни жужжания кофемолки. Я снова привыкла к Руби и встревожилась больше, чем при ее появлении. Дверь в туалет из коридора открыта, мне видна ее спальня, там темно.

– Руби? – позвала я и шагнула в туалетную комнату. В дальнем углу двуспальная кровать, бирюзовое одеяло небрежно откинута. Жалюзи закрыты, по полу сквозь щели тянутся полосы света.

Вечером после программы новостей с ее адвокатом Руби ответила на звонок, отчалила наверх и больше не появлялась. Я слышала ее через запертую дверь, она негромко с кем-то разговаривала, слов не разобрать. Только общая мелодия – обрывистые реплики, перепады звука, потом в комнате надолго воцарилась неестественная тишина.

Сейчас в комнате пусто. Давно ли? Не ушла ли она еще вечером, после того как я уснула?

Я быстро вышла из туалета – еще подумает, что я за ней шпионю. Наверное, спустилась вниз, орудует в кухне или устроилась на диване.

Но Руби нигде не было, и мое сердце забилося чаще. Машины у нее нет, деваться ей особенно некуда. Места, куда

она могла пойти, можно по пальцам сосчитать, да и там ее не сильно ждут.

Внизу все вроде бы нормально, передняя дверь заперта, а вот задняя... Я подошла ближе – точно. Засов отодвинут, Руби сидит на выцветшем садовом стуле, перетащила его в противоположный угол двора, в единственный квадрат, освещенный солнцем, ноги на деревянной подставке, идущей в комплекте со стулом.

– Так вот ты...

Она поднесла палец к губам, прервав меня на полуслове. Сначала я слышала только щебетание птичек да шуршание зверьков в ветках деревьев за домом. Но Руби кивнула в сторону высокого белого забора, отделявшего мой участок от соседнего. Оттуда доносились голоса, чуть приглушенные, я с трудом разбирала слова. Не со двора, скорее через открытое в доме окно.

Мы вслушивались, и голоса постепенно становились громче и яснее, градус разговора повышался.

Сколько лет живу рядом с Тейт и Хавьером Кора, никогда не слышала, чтобы они ругались. Спорить – другое дело, чуть подтрунивая друг над другом, наверное, этому они научились в местной средней школе, где оба работали. «Ты не удосужился вынести мусор» или «На сей раз постарайся не опоздать на встречу». Но чтобы повысить голос, бросаться обвинениями – такого не было. Даже во время следствия, когда нервы были напряжены до предела, отношения давали

трещину, во взглядах возникали разногласия. Тейт и Хавьер всегда выступали единым фронтом.

Но не сегодня.

– Ты не думаешь, Хави.

Казалось, Тейт говорит сквозь стиснутые зубы.

– Я не думаю, я не уделяю внимания, тебя послушать, я всегда чего-то не делаю. Может, измениться стоит тебе? И заткнуться на хрен для разнообразия?

Руби наигранно раскрыла рот, вытаращила глаза. Наверное, и я выглядела точно так же – обе в шоке от восторга. Чтобы кто-то велел Тейт заткнуться, тем более Хавьер!

Повисла пауза, она затянулась, я уже подумала, что они перешли в другую комнату, но тут утреннюю тишину прорезал звенящий голос Тейт.

– А не пойти ли на хрен тебе?

Я услышала, как задняя дверь их дома распахнулась, потом топот ног Хавьера, его прерывистое дыхание, совсем рядом, по ту сторону забора. Сквозь щели замелькала его синяя рубашка – он ходит туда-сюда.

Мы застыли. Я – у кирпичных ступенек, стараясь не шелохнуться. Руби сидела на своем стуле, подняв руку в комическом жесте. Но губы стиснула. Я затаила дыхание.

Послышались щелчки, сомнений не было – по ту сторону забора он с кем-то переписывается. Он беспрерывно ходил, синее пятно на той стороне так и мельтешило. Интересно, как он сейчас выглядит? Кулаки сжаты, сам весь красный?

Но заглянуть в соседский двор можно только со второго этажа, да и то увидишь разве что задние углы лужайки, возле калитки, где вдоль забора подрастают деревья.

Когда мы с Айданом сюда переехали, Тейт и Хавьер Кора стали нашими ближайшими друзьями. Вечерами мы сидели во дворике либо у них, либо у нас, пили пиво, жарили мясо, смеялись. Иногда мужчины куда-то отправлялись по своим делам, тогда мы с Тейт встречались у бассейна и, развернув лежаки в сторону озера, потягивали вино и ловили лицами ветер.

Когда Айдан съехал, я поняла: они какое-то время знали, что он хочет меня оставить. По крайней мере, они не удивились. Первой, к кому я пришла поделиться праведным гневом, с бутылкой вина, была Тейт – ясно, что я появилась у нее на крылечке не от хорошей жизни. И вот оказалось: в какую-то минуту Тейт решила не говорить мне, что у моего жениха долгосрочных планов на меня нет.

А ведь сколько раз могла сказать! Я с ней обсуждала, когда лучше устроить свадьбу. *Да, говорила она мне, май – идеальное время, позже мы все уже начнем таять от жары.* Или еще причина: надо подождать, когда Айдан закончит учебную программу. Потом, глядя на нее, я не раз задавалась вопросом: давно ли она знала? Сколько раз они с Хавьером это обсуждали, наверное, жалели меня. Неловкая ситуация, что тут скажешь?

Как тут восстановишь прежнюю дружбу? Стоило увидеть

их вместе, как я представляла: они меня обсуждают, шепчутся на кухне, а через кухонное окно прямоком видна наша гостиная. *Хави, нечего туда смотреть. Бедняжка Харпер. Ведь она ни о чем не догадывается.*

Снова щелчок с той стороны забора, и Руби подняла бровь. В ее глазах читался очевидный вопрос: с кем это Хавьер переписывается, поругавшись с женой?

Внезапно окно захлопнулось. Задняя дверь распахнулась так, что заскрипели петли. Потом наступила немая сцена, никаких слов, никакого движения. Видимо, Тейт встрепелась – открытое окно! Соседи все слышали.

Босой ногой Руби толкнула деревянную скамеечку, раздался громкий скрежет ножки о кирпичную кладку. Это произошло не случайно. На лице мелькнула улыбочка. За забором Хавьер шумно выдохнул, поднялся по ступенькам, закрыл дверь и яростно запер ее на замок.

Ох, Руби, это чересчур наигранно. Могла бы просто подвинуться в кресле. Просто намекнуть, что по другую сторону забора кто-то есть. Легкая ухмылка, тронувшая лицо Руби, превратилась в полноценную улыбку, и я покачала головой, хотя и сама улыбалась. Барьер длиной в четырнадцать месяцев начал исчезать, и есть опасность, что мы снова будем на одной волне? Той, что позволяла нам легко уживаться друг с другом.

Когда Айдан исчез и я охладела к Тейт, Руби меня в этом сразу поддержала. Поняла, что у меня внутри. Предатель-

ский укол меня опустошил, и Руби эту пустоту заполнила.

– Интересно, что они не поделили, – сказала Руби, поднимаясь с кресла. Неторопливо прошла по выложенному кирпичом дворику, бросила взгляд на ровные рядки почвы на клумбе. *Кролики постарались*, предположила она. Вряд ли, уж очень аккуратные рядки, будто выложили специально.

– Идем, – позвала я, указывая на дом. – Долго там сидела? – спросила я, когда мы оказались внутри. Привычка, я всегда будто ходила за ней с хронометром. Думала, что, считая, сколько времени она потратила на то или другое, я могу контролировать ее действия. И получить подтверждение ее вины. *Сколько времени нужно, чтобы открутить детектор угарного газа на потолке. Чтобы взять ключи от машины Фионы, лежащие у двери в гараж. Чтобы завести машину и убежать – к озеру, через лес. Чтобы избавиться от улик и пробраться домой...*

– Не очень, – ответила она. – Слушай, дашь мне машину на сегодня?

Этот вопрос застал меня врасплох.

– Я могу тебя отвезти, – сказала я.

Она обошла меня, миновала кухню и оказалась в прихожей.

– У меня встреча с адвокатом, – сказала она, подходя к лестнице, ее голос эхом отразился от стен. – Она проезжает мимо Холлоуз Эдж и спрашивает, могу ли я лично встретиться с ней и ее командой в каком-то бизнес-парке. Не знаю,

сколько это продлится, – Руби остановилась у нижней ступеньки, положила руку на перила. – Хорошо?

Ничего хорошего. Одно дело отдать лишний купальник или шлепки, и совсем другое – машину.

– Я собиралась за продуктами, – сказала я.

– Можно съездить завтра, – возразила она, и я вспомнила: с Руби надо говорить четко и конкретно, ясно выражая свою мысль. Тонкости и недомолвки она не воспринимает, от своего отступает, только если некуда деваться.

– Я вызову тебе такси, – сказала я, и ее пальцы обхватили перила, ногти обкусаны до самой кожи.

– Харпер, о моем деле трубят все газеты. Чтобы какой-то непонятный водила меня подобрал, возил куда-то, а потом трепал об этом языком ради своих пятнадцати минут славы? Так не годится.

Скрытая угроза: он привезет ее сюда. Все это увидят. Под домом будут торчать автобусы с журналистами, как это было после ее ареста...

Когда что-то решаешь, взвешиваешь все за и против, но верного варианта, верного ответа я не видела. Получается, что решение принято без меня.

Она даже не стала ждать, когда я скажу «да».

Скоро она снова спустилась. Через плечо перекинута кожаная почтовая сумка. Руби подошла прямоиком к комоду перед входной дверью, где я держу ключи. Это ее особое

умение – заставить тебя что-то сделать, заставить врасплох, не успеешь опомниться. Спросила тогда полушутя: *компаньонку не возьмешь?* И тут же побросала свои вещички на заднее сиденье машины и перебралась ко мне. А когда к нам постучалась полиция, спросила: *ты скажешь им, Харпер? Скажешь, что я этого не делала? Что у меня больше нет ключей от их дома? Что я просто не могла это сделать?* Что тут ответишь? Вот она стоит перед тобой и буравит тебя глазами. *Хорошо, скажу, конечно.*

– Спасибо, Харпер, с меня причитается, – сказала Руби и пошла к выходу. Ни с того ни с сего моя жизнь – в ее руках.

Я проводила ее, посмотрела, как она садится на водительское сиденье моей машины, заводит двигатель, опускает стекла всех четырех окон, будто в моей машине ей душно. Руки на руль, смотрит вперед...

– Как на велосипеде, да, не забывается?

Она скорчила гримаску, а я чуть не спросила: а права у тебя есть? Они действительны? Но, главное, пусть скорее уедет, пока никто не заметил, как она выезжает. Не заметил, что она – в моем доме. В моей машине. Снова медленно проникает в мою жизнь.

– Есть такое дело, – только и сказала я.

Услышала Руби эти слова или нет, неизвестно – машина начала неспешный спуск по подъездной дорожке.

Я видела от крылечка, как она остановилась перед знаком «стоп» и повернула возле дома Сиверов. Постепенно звук

двигателя затих. Чего я ждала? Аварии? Что она передумает, и моя машина вдруг вернется ко мне? Что из нее с извинениями вылезет Руби, отдаст мне ключи, мол, *сама не знаю, что на меня нашло.*

Что-то мелькнуло в окошке Шарлотты Брок: дернулась за навеска и тут же опустилась.

Конечно, все смотрят. Что они вчера обсуждали на встрече, мне никто не доложил. Молодцы, конечно, мои соседи.

Я подошла к дому Труэттов и поежилась, учуяв запах выхлопа от моей машины. Что-то всколыхнулось в памяти, до мурашек по коже. Чейз выключает двигатель машины и кричит мне: открой дверь гаража! Потом отработанный газ, от которого выворачивает наизнанку, медленным вихрем выползает наружу, я боюсь дышать...

Запах висел в воздухе долго. Иногда мне казалось, что именно он привел меня в то утро к их дому. Я нутром учуяла: что-то не так, а лай собаки это только подтвердил.

Я прохожу мимо дома Труэттов и поднимаюсь по ступенькам к двери Шарлотты, до сих пор чувствуя мурашки, будто меня не отпускает мрачное воспоминание.

Я звоню в звонок, за дверью шаги, потом тишина. Будто кто-то смотрит. И решает – открывать или нет?

– Шарлотта, открывай! – говорю я и стучу.

Дверь резко распахивается. Молли смотрит мне за спину.

– Привет, мама дома?

Она заморгала длинными ресницами, на щеках веснушки,

как у мамы. Наконец одарила меня взглядом.

– Нет, повезла Уитни к зубному.

Я глянула на ее собственные зубы – сверкают белизной. Мне казалось, у нее брекеты – недавно сняла? Она провела пальцем по верхнему ряду, наверное, еще привыкает.

Молли собралась закрыть дверь, но в прихожей я увидела большую спортивную сумку цвета индиго на фоне светло-серых стен, в тон висящим в коридоре пейзажным фотографиям. Даже здесь стремление к гармонии. Дом спроектирован почти так же, как мой, но хозяйская спальня внизу, еще две наверху, и украшено все более изысканно.

– Уезжаешь? – спросила я.

Молли подвинулась, загораживая от меня коридор, и недоверчиво сузила глаза, будто тот факт, что я приютила Руби, как-то меня очерняет. А ведь она знает меня много лет!

– Мама хочет, чтобы мы пожили у папы. Но пока с ним не договорилась, а дома его нет.

Она погладила края свалившейся на плечи копны темных волос.

Боб Брок – так же типичен, как его имя, высокий, художавый середняк. Вроде бы и красив, но не приметен. Лицо такое, будто ты его где-то видела. Я, когда переехала, даже спросила его: *мы встречались раньше?* Ничего общего с Шарлоттой, ее-то сразу заметишь и запомнишь. У нее темные волосы, веснушки, выглядит гораздо моложе своих

лет. Когда идет с дочками, издалека вполне сойдет за третью сестру. Вот уж кто бросается в глаза, особенно если они втроем.

У него даже работа бесхитростная – бухгалтер. Поэтому в то, что случилось, было очень трудно поверить. Боб работал из дома, от одного проекта к другому, и свою подружку, видимо, просил парковаться за углом, чтобы машину не было видно, а потом она шла по улице и заходила в дом через гараж, не попадая таким образом под глаз их камеры безопасности.

Но Марго Уэллмен заметила у тротуара незнакомую машину, обратила внимание на то, что она подъезжает в одно и то же время. И поместила на местной доске объявлений фото, на котором низкорослая блондинка выходит из синего седана. Дело в том, что у нас было строгое правило: никаких агентов. И вот Марго написала: *Кто-нибудь знает эту женщину? Она приезжает сюда каждый день около полудня. Я ее раньше не видела.* Потом Престон Сивер прочесал свои видеозаписи и повесил клип: она идет мимо его дома, в темных очках, голова опущена. *Похоже, она направляется вверх по нашей улице.* Но на камере соседнего дома Шарлотты ее нет. Шарлотта так и написала: *А на моей камере ее нет. Мимо твоего дома проходит, а до моего не доходит?*

На это никто не ответил, ни единого слова, но вскоре все открылось, и с электронной доски объявлений драма перешла в реальную жизнь.

Шарлотта – человек крайне дотошный и организованный. Она аккуратно сложила вещи Боба в коробки и выставила их на крыльцо. К концу дня перед их домом появился фургончик слесаря – поменять замок.

Девочки, как и ожидалось, приняли сторону матери и, по большей части, находились здесь, хотя их отец жил неподалеку. Опекунские обязанности родители делили на двоих. Рвать со своей подружкой Боб не стал. Наоборот, когда его выгнала Шарлотта, он якобы сразу переехал к ней, на другую сторону озера.

– Ты не должна сюда заходить, – сказала Молли, собираясь закрыть дверь. Но она уже не ребенок, чтобы сторониться чужих. И разве я чужая? Сестры, хоть и похожи внешне, но характерами очень даже отличаются. У них разница всего год, но Молли больше осторожничает, больше сомневается, держится тихой мышкой. Если рядом нет сестры, ее вообще не заметишь.

А вот ее старшая сестра, Уитни, гораздо смелее. Это она громыхала газонокосилкой под нашими окнами, чтобы глянуть на Руби.

– Скажешь маме, что я заходила, хорошо? – попросила я.

– Сама скажешь вечером, – возразила Молли. – У вас же в клубе тусовка?

Не такая уж и мышка. Взрослеет, понятное дело.

– Зря ты нервничаешь. Она здесь ненадолго, – сказала я, шагнув назад. Молли пару раз моргнула, на лице – ноль эмо-

ций. – Руби, – пояснила я. – И нечего тебе от нее прятаться.

Молли уставилась на меня.

– Она же виновна, – заявила она мне, брезгливо поморщившись. Кого это она презирает – меня или Руби? – Ей нельзя здесь оставаться.

– Как сказать. – В подростковом возрасте я терпеть не могла, когда взрослые мне ввали. Так и хотелось им крикнуть – будьте честными! – Ее вина не доказана.

Ничего честнее я придумать не смогла. По идее, Шарлотта должна им объяснить, как работает система права.

– Доказана, – возразила она, закатив глаза, точь-в-точь как ее мама. – Еще как доказана.

И захлопнула дверь, поставив в нашем разговоре эффектную точку.

Спустившись с их крыльца, я увидела Чейза – у него пробежка. Знакомая плотная фигура, движения отработаны, темп выше среднего. Я быстро направились к своему дому – с ним лучше не встречаться. Руби сейчас нет, общается на большой земле с адвокатом. Интересно, кого она имела в виду, когда сказала, что *кто-то за это заплатит*? Полицейского Чейза Колби или отдел полиции озера Холлоу? Чейза отправили в отпуск, пока не закончится внутреннее расследование. Времени вагон, только оно работает против него. И вот источник всех его бед и его потерь здесь, в моем доме.

Опустив голову, я поднялась по ступенькам своего дома.

Захлопнула дверь, и он тут же тяжело протопал мимо. Через окно я посмотрела ему вслед. Зачем соседям выходить на дежурство, когда Чейз дежурит всегда?

Но я его совсем не виню. И остальных тоже, тех, кто проходит мимо бассейна, чтобы взглянуть на нее вблизи, гремит газонокосилкой, чтобы заглянуть в наше окно, бегают трусцой, чтобы за ней подсмотреть. В конце концов, знать, что она здесь делает, хотят не только они.

Мы подадим в суд, вот что она сказала. В новостях ее адвокат дала понять, что у Руби были недопонимания с соседями, с нами, что ей подложила свинью не только система. Теперь Руби вряд ли расскажет мне правду. А раньше... разве она не скрывала от меня правду раньше? *Скажи им, Харпер. Скажи, что я этого не делала...*

Поначалу я инстинктивно ей верила. Но потом оказалось, что ее засекли наши камеры. Еще до суда, до показаний. И в ее мольбе я слышала голос моего брата, эта мольба взывала к чему-то внутри меня.

Может, поэтому я и доверилась Келлену, неосторожно призналась в Рождественскую ночь, захмелев от выпитого, недосып сделал свое дело. Решила, что Келлен меня поймет, скажет: ты поступила правильно.

По традиции, мы встречали Рождество с родней по материнской линии, в доме, где мы выросли, на мысе, мама и сейчас там живет, иногда к ней подселяется Келлен – когда

по доброй воле, когда под ее давлением.

После ужина мы сбежали от назойливых расспросов родни. *У тебя кто-то появился, Харпер? Что с работой, Келлен?* Мы сидели вдвоем в беседке, хотя здорово отвлекал холл.

Мы всегда походили друг на друга – больше, чем нам того хотелось. Большие карие глаза, уголки рта чуть опущены. Высокие скулы, знакомая, будто зеркальная, улыбка. Иногда из-за этого мне казалось: мы друг другу ближе, чем есть на самом деле.

И я сказала ему, в тусклом свете желтого фонаря рядом с задней дверью, по ту сторону которой слышались приглушенные голоса, сказала, прервав тишину. *Девушку, которая живет в моем доме, признали виновной в смерти наших соседей. Я дала показания в суде.*

Келлен посмотрел на меня с таким выражением, какого я на его лице никогда не видела. Будто сомневался, что я – это я. Вон, оказывается, какие у меня тайны. *Ты знала, спросил он, что это ее рук дело?*

Нет, ответила я, *точно не знала.*

Выражение его лица снова изменилось, он помрачнел, погрузился в себя. Из рта вырвалось облачко холодного воздуха. *Как можно давать показания, если ты не уверена на все сто,* спросил он.

Но мне казалось, что смысл суда в том и состоит. Все дают показания, и складывается общая картина, не вызываю-

щая сомнений. *Я всего лишь сказала правду. Я ни в чем ее не обвиняла.* То есть каждый из нас в отдельности мог себя оправдать.

Разговор закончился как-то неловко, рано утром я улетила, мы даже не попрощались.

Но через неделю, в канун Нового года, ближе к полуночи, он мне позвонил – праздники, самое удобное время с кем-то связаться. Он извинился, будто всю неделю думал о моих словах. Мол, пытался все это себе представить, потом даже укоризненно отозвался о себе: *я же должен был тебе что-то сказать?* Добавил, что никогда не знаешь, чего от человека ждать. Мы пожелали друг другу *счастья в Новом году*, повесили трубки и, в соответствии с еще одной традицией нашего семейства, с тех пор не созванивались.

И сейчас я снова услышала его вопрос: *как можно давать показания, если ты не уверена?* Я даже не уверена, зачем она явилась в мой дом. Но сейчас Руби нет, а что, если...

И я поднялась в ее комнату.

Дверь в ее спальню закрыта, и я вошла через сквозной туалет, как утром, чтобы не привлекать внимания. Внимательно огляделась. На полочке лежит бытовая мелочь, купленная вчера в интернете: зубная паста, туалетные принадлежности, половина из них кучкой в углу, нетронутые. Воздух влажный, зеркало запотело, будто она только что вышла из душа. Я включила вытяжку, что-то вспорхнуло над головой.

Вверху, между лопастями вентилятора торчала плотная

пачка бумаги. Я опустила крышку унитаза, осторожно, держась за стену, встала на нее. Мои пальцы ухватили край бумаги – двадцать долларов! Одна купюра, когда я включила вентилятор, развернулась и теперь колыхалась под напором воздуха. Я чуть подвинулась, чтобы лучше разглядеть пачку купюр. Если все это двадцатки, тут гораздо больше, чем адвокат могла бы ей дать на первое время.

Нет, там были разные купюры, поменьше – пятерки, десятки и двадцатки. Будто кто-то сунул руку в ведро с наличными и вытащил, что попадетсЯ. Странно, чтобы ее адвокат открыла бумажник и, пожав плечами, отсчитала ей купюры разного номинала... Но откуда еще Руби могла взять деньги?

Я быстро выключила вентилятор.

С бьющимся сердцем открыла шкафчик под раковиной – что еще она могла спрятать? Между труб был спрятан желтый мешочек. Я опустилась на колени на кафельный пол и вытащила его. Небольшая герметическая сумочка, когда мы плавали на каяке, клали в такую мобильники и ключи.

Она была пуста.

Наверное, Руби нашла сумочку в каяке, где та четырнадцать месяцев пролежала под моим хламом. И вдруг до меня дошло. Деньги, спрятанные в туалетной комнате. Пустая сумочка под раковиной. Как она испугалась, что я отдала каяк, как настаивала на своем желании на нем прокатиться. Она спрятала туда деньги перед арестом. Вдруг удастся за ними вернуться?

И вот она вернулась.

Я похолодела. Что, если слухи, которые распускали соседи после ее ареста, – никакие не бредни? Что, мол, у них пропали деньги из кошелька, из бумажника, из дома, когда там были гости. Неужели я только думала, что хорошо знаю Руби?

Но мой пульс успокоился – в ее действиях мне открылась логика. В первый день она пробралась в дом, держа в руках туфли, оставив в коридоре пустые сумки. Она пришла сюда, в мой дом, забрать то, что здесь оставила. Ее поступки сложились в цепочку событий, мотивация прояснилась, и неизбежное завершение ее плана: она отсюда уедет.

С ее кровати соскочила Кода, я вздрогнула.

В дальнем углу спальни стоят ее сумки. Я проверила – пустые, как и раньше. Открыла ящик маленького комода, при переезде Руби притащила его из дома отца. Тщательно перебрала ее одежду, которую мы заказали вместе, она даже не оторвала бирки. Кое-что, например носки, так и осталось в пластиковых пакетах.

Я проверила другие ящики – ничего особенного. Подошла к единственному окну в этой комнате, чуть отодвинула створку жалюзи – окно выходило в тыл нашего квадратного двора, виднелся задний двор супругов Кора. По ту сторону наших заборов покачивались ветки деревьев, хотя, когда я выходила, ветра не было.

Я прижалась лицом к жалюзи, уперлась лбом в белые

планки. Если среди деревьев за нашими заборами кто-то и бродит, я его не увижу – забор очень высокий. Ряды плотно посаженных вечнозеленых елей создают иллюзию уединенности, и ты забываешь о дороге, вдоль которой полукругом расположились другие дома.

Может, это белка? Мы часто их слышим – скачут с ветки на ветку, прыгают по крышам. Топ-топ-топ маленькими лапками, и сердце каждый раз бьется быстрее.

В последнюю очередь заглядываю в шкаф. На металлической перекладине висят несколько пустых вешалок. В темном углу горка грязной одежды, наверное, не решила, что с ней делать. Я пошевелила ткань ногой, так, на всякий случай. Ничего.

Больше в комнате искать нечего. С края кровати, где спала кошка, свисает бежевое полотенце, надо бы его отнести в ванную, пока не заплесневело, но нет, нельзя.

Перед арестом Руби я сама пустила сюда полицию, разрешила им обыскать комнату – они искали детектор угарного газа. Я была уверена, что здесь они его не найдут, так и оказалось. В итоге полиция решила, что именно поэтому Руби попала на камеру Марго и Пола Уэллменов – она бежала к озеру, чтобы избавиться от улики. Но улику так и не нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.